

Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ

ШЕЛЕСТ
Гимназист

Константин Георгиевич Калбазов

Шелест. Гимназист

Серия «Шелест», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

В своём родном мире я сирота. Без понятия кто мои родители, да и знать не хочу. Детский дом, армия, четыре войны и стойкое предубеждение к семейной жизни. Одна только мысль о женитьбе, детях и родне вызывала у меня раздражение.

Но здесь у меня есть семья. Есть любовь брата и сестёр, тепло домашнего очага, заботливая мать и строгий отец, не чурающийся порки. И пусть я поскрёбыш, а мой слабый дар ни на что не годен, того кто решит навредить моим близким, я заставлю умыться собственной кровью.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	76
Глава 7	92
Глава 8	106
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Константин Калбазов

Шелест. Гимназист

Глава 1

– Ой, господи ты божеж мой! Да как же так-то?! Царица небесная! Барич! Барич! Дитятко! Голубчик! – голосила молодая бабёнка.

Ох и орать же она горазда. Вопит, словно сирена на корабле. Голова раскалывается. Впрочем, меня ведь предупреждали, что так оно и будет.

– Чего орёшь, дура?! Может, и не помер вовсе, – воровато выглядывая в приоткрытую дверь, произнёс мужчина.

Этот вроде и не громко сказал, но и его голос ввинтился мне в черепушку раскалённым гвоздём. Ох, йо-о! Бэ-э-эк. Содержимое желудка выплеснулось наружу белёсым фонтаном. Да и могло ли быть иначе, коль скоро меня недавно покормили молоком, которое ещё не успело усвоиться.

– Живой! – воскликнула бабёнка, прижимая меня к груди. Дура! Задушишь! Отпусти! Ну, в смысле.

– Уа!!! Уа!!! Уа!!!

Твою мать, меня в младенца угораздило влететь, что ли?! Ох, твоюжеж вперехлёт через колено! Да что же мне хреново-то так! Хотя-я-я... Щербаков ведь ясно сказал, что я мо-

гу попасть в тело реципиента только в случае его клинической смерти и только при закрытой черепно-мозговой травме. Да вот мне от этого не легче. Хуже было лишь при контузии.

Объём памяти у младенца куцый, собственных умозаключений никаких, одни рефлексy, так что разложить всё по полочкам не составило труда. Получается, вот эта бабёнка, являющаяся моей кормилицей, несла меня на руках, запнулась обо что-то и грохнулась на пол, приложив об него головой и меня грешного, в смысле реципиента, сынишку барина. Я уж потом влетел в эту черепушку, когда случилась клиническая смерть. Так что чисто технически она грохнула мальчонку. Пусть и не специально.

Вроде мыслительный процесс и не должен отнять много времени, да только мои незначительные силёнки успели истаять, мысли начали путаться, голову заполнил дурман, и я провалился в сон...

Когда открыл глаза, то ощутил... Да ничего не ощутил. Выспался, за окошком птички поют, в углу кошка мурчит. Хорошо-о-о! Попытался потянуться, да не тут-то было. Спеленали меня так, что не шелохнуться, что твой часовой на первом посту. Повозился, но, несмотря на мои кряхтения, ничего-то у меня не вышло. Даже пальцами рук пошевелить не получилось, настолько плотно пелёнка облегает тело. Разве только ступнями немного повёл да голову повернул.

Рядом лежит ещё один младенец, возится, извивается

как червячок-нинзя, сморщил носик, начал хныкать и практически сразу заорал, да так требовательно и громко:

– Уа-а!!! Уа-а!!! Уа-а!!!

– Не голоси, Илюша, эвон и барича разбудил, – подхватывая младенца, произнесла давешняя бабёнка.

Выпростала полную левую грудь и поднесла к ней мало-го. Тот пошамкал губами и наконец, нащупав сосок, впился в него. Да так сильно, что мать охнула. Впрочем, расстроенной она не выглядела, наоборот, взирала на сынишку с любовью и гордостью. Если аппетит хороший, знать, здоров, и быть ему ладным мужем.

Это чего я такими словечками заговорил? Ну, хорошо, не заговорил, а подумал. Спокойно. Мой реципиент, конечно, младенец, но ведь не слепо-глухо-немой. Не соображает и не говорит, это да. Но его мозг впитывает всю доступную информацию, как губка. Пока совершенно бессистемно, но всё до мельчайших подробностей.

С возрастом никому не под силу вспомнить себя в младенчестве, но только не мне. Для меня его память, как жёсткий диск на компьютере, и я могу извлечь эту информацию из головы в любой момент. Во всяком случае, именно так говорил этот умник Щербаков и его коллеги, а у меня нет никаких причин ему не доверять. Потому как я далеко не первый, кто отправился в это путешествие.

Не сказать, что дело поставлено на поток, но количество пилигримов, как называют таких вот засланцев, уже измеря-

ется десятками. Есть даже кадры, которые не просто работают над сбором статистического материала, как я, а специализируются на конкретных исторических эпохах и участвуют в самых настоящих научных экспедициях...

Ещё совсем недавно я был Найдёновым Василием Андреевичем. Хорошо хоть, не Подкидышевым записали, а ведь могли, потому как я самый натуральный подкидыш и есть. Кто я, кем были мои родители, ничего не знаю. Да и, признаться, узнать никогда не стремился. Коль скоро я оказался им ненужным, то и они мне в пупок не упёрлись.

Детский дом вот моя семья. Отчество мне перепало от больничного сторожа, а мам у нас было несколько, потому как текучка кадров, и воспитательницы менялись как перчатки. Добрые, злые, умные, тупые – разные, в общем, ни к одной из них я душой так и не прикипел. Как, впрочем, и мои товарищи по детдому.

Учиться я не хотел категорически, и на второй год меня не оставляли только потому, что нужно было вручить хотя бы аттестат о неполном среднем образовании. А там скинуть эту непосильную ношу на плечи воспитателей ПТУ. Поэтому на мои недельные прогулы учёбы никто не обращал внимания. Пришёл на уроки? Уже молодец, вот тебе леденец. В смысле тройку в журнал. Умный мальчик.

В обиду я себя не давал, но и задирой никогда не был. За косой взгляд в глаз, конечно, дам, но чтобы «не так си-

дишь, не так свистишь», этого никогда не было. В воровстве не видел ничего зазорного, а вот отобрать уже считал неправильным. Из-за сложности своего характера и минимального уважения к закону я был завсегдаем детской комнаты милиции. Даже бравировал этим, мол, я там двери ногами открываю.

Когда стукнуло четырнадцать, решил померить свой пыл, так как стал субъектом и мог загреметь в колонию для малолетних. Тюремная романтика меня как-то не прельщала, хватило детдомовской. Паинькой, ясное дело, не стал, зато теперь был куда осмотрительней.

В ПТУ учиться мне нравилось больше, чем в школе. Хотя это относится сугубо к практической области. Крутить гайки, точить болты, возиться в потрохах замков и иных механизмов куда как интересней, чем корпеть над математикой или учить историю. Да чего там, я вообще ничего не учил, были те, кто закрывал эти вопросы за меня. Тут главное – не жадничать и иметь, что предложить решале.

Опять же, директор училища полагал, что ни физика, ни математика нам в жизни не пригодятся. Если у учащегося руки не из задницы растут, и с железом он обращаться умеет, тогда никаких сомнений, обучение он закончит и специальность получит.

По выпуску из училища не успел даже дня отработать по специальности, как призвали в армию. Прямо из общаги и ушёл. А там и первая чеченская. Кого волнует, что у меня

за плечами всего лишь КМБ, где я из автомата так ни разу и не выстрелил.

Поначалу было страшно, потом пообвыкся, заматерел, потеряв многих сослуживцев, научился воевать. Словом, первую войну я практически от начала и до самых Хасавюртовских соглашений на передке провёл. Даже награды имел.

После армии пошёл слесарем на сахарный завод, где и отработал до начала второй чеченской. Не задалось у меня с гражданкой, зато как только услышал, что на Кавказе опять завертелось на всю катушку, не выдержал и подписал контракт. Кровь выиграла, и потянуло меня туда, где адреналин можно черпать ложками.

Воевал не бездумно, а памятуя одну простую истину – молодость это средство, чтобы обеспечить себе старость. Оно конечно, при имеющемся в моей заднице шиле дожить до этой самой старости проблематично, уж больно многие вокруг меня полегли. Но вдруг сподоблюсь. И что тогда делать? Бомжевать?

Можно, пожалуй, и семью завести, только я этого не хотел от слова совсем. Хорошее дело браком не назовут! И то, что я видел множество положительных примеров, разуверить меня в этом не могло. Ну, хотя бы потому, что и разводов выше крыши, неблагополучных семей предостаточно и детские дома никуда не делись...

Есть тысячи способов заработать на войне. Я предпочёл два из них. Зарплата от государства и трофеи. Мародёр-

ство? Ну, это как сказать. Если шманать трупы, то оно, может, и так, а если убитых тобою врагов, то уже получается – что с бою взято, то свято. А тут ещё нашему отделению получилось накрыть одних бармалеев, в сумке у которых обнаружилось до неприличия много баксов. Об этом, ясное дело, никому ни слова, трофеи поделили поровну и забыли, как не было такого эпизода в нашей жизни.

Деньги что песок, просыплется сквозь пальцы, ничего не останется. Но, на моё счастье, по возвращении я встретился с одноклассником. Странное дело, но вот отчего-то обрадовался ему, как родному. Да и он чураться не стал. Посидели, поболтали. Как результат, договорились до обоюдного сотрудничества.

Нашёлся участок земли в городе, который удалось заполучить, пусть и не даром, но по вполне приемлемой цене. Уже через год на нем возвышался небольшой торговый центр. Не моими заботами, а одноклассника, который как раз пробавлялся строительством и имел свою бригаду. На него-то я и сбросил заботу о здании вместе с арендаторами, выделив ему треть доходов.

Сам попытался жить в своё удовольствие, но стало скучно, и я умчался на очередную войнушку, благо появился набор в одну из частных военных компаний, которых в России вроде как нет. Так и пошло, то воюю в грязи, пыли и смраде, то отдыхаю на курорте, почёсывая пузо.

К своим пятидесяти годам я имел вполне стабильное фи-

нансовое положение, четыре контузии, три ранения и всё то же шило в заднице. Вот только укатали-таки сивку крутые горки. Обнаружилась у меня в голове опухоль.

С деньгами проблем никаких. Мои доходы серьёзно превышали расходы. Одноклассник не подвёл и исправно вёл мои финансовые дела к нашей обоюдной выгоде. Да только не всё в этом мире решают деньги, болячка моя оказалась неоперабельной.

Вот тут-то и повстречался на моём пути Щербаков с его странным предложением путешествий по параллельным мирам. Вернее, засылать должны были не меня, а мой разум благодаря какому-то там единому информационному полю Земли. А пока я, ну или матрица моего сознания гуляла бы где-то там, в параллельных мирах, выискивая приключения на свою задницу, моя тушка валялась бы в родном мире в искусственной коме.

Прямая выгода лично для меня в том, что имелся временной парадокс. К примеру, тут пройдут всего лишь сутки, а в слое, отстоящем от нас на пару сотен лет, минует двести дней. То есть пролежав тут бесчувственным бревном неделю, там я смогу прожить полноценной жизнью почти четыре года. Или уж как устроюсь. Можно ведь и не прожить, а просто существовать. Впрочем, если всё сложится плохо, то всегда могу вернуться, убившись, а там опять попробую. Ну, чисто компьютерная игрушка.

Подобной возможностью обладают далеко не все.

Тут нужна довольно высокая совместимость этой самой матрицы сознания с реципиентом. За годы безустанных трудов этот порог существенно понизили. Впрочем, у меня-то как раз с этим полный порядок.

Никаких подписок с меня не брали, карами не стращали. Щербаков лишь пожал плечами, мол, если мне так хочется, могу раструбить на весь свет. Вопрос только в том, кто мне поверит. В мире хватает психов, верящих в собственную исключительность. Ну, станет ещё одним больше, всего-то.

Допустим, книжки я почитывал, нравилась мне фантастика, и о мультивселенной вроде как в курсе. Вот только это что же нужно такое забористое курить, чтобы поверить в подобное. Так что поначалу я отказался и решил перепровериться насчёт своей болячки. Обратился ещё в три клиники, одна из которых московская, и везде один и тот же диагноз. Круче диагностика только за границей. Вот только медики давали мне не больше полугода, и я решил, что лучше пожить подольше, коль скоро такая возможность имеется.

Отправляли меня не на дурачка. Оказывается, у них уже были наработаны методички, составленные на основе опыта других засланцев. Я даже несколько часов просматривал различные ролики, отснятые путешественниками в параллельные миры. Чего там только не было: и средневековая Византия, и домонгольская Русь, и Бородинское сражение.

Одному из пилигримов, Романову, даже удалось повернуть ход истории, разбив войско Батыя и избавив Русь от на-

шествия монголо-татар. Это стало возможным благодаря систематическим прыжкам в тот слой упёртого путешественника, такого же больного на голову, как и я. И старался он не зря, так как уже в тринадцатом веке Киеву удалось объединить Русь в централизованное государство, Русское царство.

С этим кадром поговорить не получилось, так как он опять отправился, как он заявлял, в свой мир. Романов не собирался убирать руку с пульса, а при необходимости не стеснялся корректировать курс развития своего детища. С этой целью даже тайный орден создал, весьма разветвлённую организацию, протянувшую свои щупальца во все государства.

Зато вышло пообщаться с другими пилигримами. И опять же, все безнадёжные, шансов на выживание нет. Двое выглядели так, что краше только в гроб кладут. Всё сетовали на то, что теряют тут драгоценные дни, тогда как там могут прожить десятки лет во вполне себе здоровых телах. Случались, правда, накладки из-за весьма своеобразного и болезненного прибытия на место. Но как ни странно, в основном путешествия завершались вполне удачно, и в большинстве своём они попадали в достаточно молодые тела.

Из этого общения я вынес много полезного и окончательно поверил в реальность путешествия в параллельные миры. К тому же в отличие от первых пилигримов я отправлялся в путешествие, имея неплохое представление относительно

того, что именно меня там ждёт. Хотя, конечно же, много времени на подготовку у меня не было. Головные боли накатывали всё чаще, а перед глазами был пример умирающих от неизлечимой болячки, стремящихся как можно быстрее оставить в этом мире умирающее тело, дабы обрести новое в другом...

Долго наблюдать за тем, как... Получается, этот Илюша мой молочный брат. Так вот, спокойно наблюдать за тем, как этот гад набивает свою утробу, я не мог. Причина банальна. Может, мне и претила мысль о том, чтобы сосать материнскую грудь. Но жрать-то хотелось! Живот вон уже всю урчит. Я же прошлую порцию благополучно изрыгнул, а потом продрых бог весть сколько времени.

Покряхтел, попытавшись поизвиваться червячком-ниндзя. Ничего. Эта убийца младенцев даже ухом не повела, всё поглядывает на своего ненаглядного сыночка. Вот правду в народе говорят – неплачущему младенцу сиську не дадут. Пришлось заорать... Ну ладно, жалобно замыкать.

Кормилица завохтала, как наседка, выпростала правую грудь и, подхватив меня, приложила к ней. С одной стороны, оно как-то... Но с другой, припомнилась очередная поговорка – женская грудь успокаивает мужчин в любом возрасте. А уж такая рельефная и налитая, так и подавно. Я впился губами в сосок, тут же перехватив его беззубыми дёснами, и мне в рот потекла сладковато-солёноватая жидкость про-

сто головокружительного вкуса. Я даже заурчал от удовольствия. М-да. Ну и надул в пелёнки.

Господи, это что же мне теперь предстоит! И ведь не поделаться с этим ничего. Я пытался удержать это гадство в себе, чтобы после как-то дать знать, что мне нужно по-большому. Да куда-а та-ам, пошло родимое, не спрашивая разрешения. Вот попал, так попал!..

* * *

Щербаков работал за своим персональным компьютером. И нет, это не были расчёты или работа со свежими данными. Он готовил отчёт для кураторов из ФСБ. Каждая потраченная копейка требовала обоснования. Даже если деньги ушли мимо проекта, в бумагах должен быть полный порядок, и дебет неизменно сходиться с кредитом, не вызывая вопросов. Впрочем, в случае с ним нужно было просто записать, что и куда потрачено. Наживаться на этом проекте? Ему? Да он готов жизнь отдать ради успеха, о каком воровстве вообще может идти речь.

Окошко видеовызова внутренней связи, по обыкновению, появилось в левом углу. Щербаков взглянул на имя абонента и тут же глянул на часы. Всё верно, сейчас уже должны начать поступать первые материалы от очередного пилигрима, отправленного в один из слоёв восемнадцатого века.

Процедура уже практически рутинная, но только не в этом

случае. На этот раз они решили понизить планку требований до очередного минимума. Пусть всё просчитано, и технология хорошо отработана, это вовсе не может гарантировать пилигриму полную безопасность.

– Слушаю, Аркадий, – когда на мониторе появилось лицо оператора, произнёс руководитель проекта.

– Макар Ефимович, с пилигримом шестьдесят восемь есть устойчивый канал, но данные не поступают, одни сплошные помехи.

– Стимуляцию пробовали?

– Пробовали, но картина неизменна.

– Но канал устойчивый?

– Это так. Быть может, порог в пятьдесят процентов совместимости это слишком мало, – с сомнением произнёс оператор.

– Не говорите ерунду, Аркадий. Вы в проекте с самого начала, и мне не нужно вам рассказывать, с чем мы сталкивались прежде. И порог постепенно понижали, и пилигримов теряли. Но здесь вы говорите, что канал устойчивый.

– Устойчивый, – подтвердил оператор.

– Значит, эксперимент продолжается.

– Может, тогда вывести его из группы приоритета в группу ожидания?

– Это первого-то пилигрима с пятидесятипроцентным порогом совместимости? Да ни в коем случае. Тщательное наблюдение и фиксация всех данных без исключения. Плюс те-

леметрия самого Найдёнова.

– Я всё понял, Макар Ефимович.

Глава 2

Нож описал дугу, войдя в песок с тупым стуком и лёгким шорохом. Я подмигнул Тукану и, присев, провёл короткую линию, соединив границу моего участка с контуром круга. Прodelывать это, будучи на одной ноге, не так просто, но я управился. Затёр линию границы, увеличивая свой участок.

В сравнении с «землёй», принадлежащей моему противнику, натуральный клочок, позволяющий мне всего лишь поставить на него вторую ногу. Но это только начало. Я обрёл устойчивость, а за остальным дело не станет.

Игра в ножички. Кто бы мог подумать, что у неё такие древние корни, и прошла она сквозь века в неизменном виде. Есть похожая в свайку, но там правила другие, как и сам предмет, которым играют. Но это для обычных городских или деревенских мальчишек. Мелкой гопоте ножички куда ближе, чем какие-то там свайки или бабки. Вот ещё ерундой маяться!

Дважды вгоняя метательный нож в песок, я отгрыз от владений Тукана небольшие участки, подготавливая условия для решительных действий. Тот наблюдал за мной с напускным спокойствием. Ножи метать он умел и за один заход сумел поставить меня на одну ногу. Я уже готовился бесславно проиграть, но тут вмешался его величество случай. При очередном броске нож соперника не воткнулся, а, попав в каме-

шек, лишь взметнул фонтанчик песка.

Я в очередной раз вогнал лезвие в песок и, встав, широко разведя ноги, остававшиеся на моей «земле», провёл очередную линию, забирая чуть меньше половины владений соперника. Прибрать большую часть не позволяют правила игры. Но это только отсрочит мою победу, потому что проигрывать я не собираюсь. Ещё несколько бросков, и вот он, завершающий, оставляющий в распоряжении Тукана клочок, неспособный вместить в себя его ступню.

– Партия, – удовлетворённо произнёс я.

Подошёл к стопке монет, накрытых камешком, и забрал банк. Четыре гривенника, то есть двадцать копеек чистого дохода. Вполне прилично. С учётом прошлых партий сегодняшняя прибыль составила целых сорок копеек. Удачный день!

Выигрывал я, конечно, не всегда, бывали дни, когда я оказывался в проигрыше, но по большому счёту неизменно был в плюсе, имея в месяц не менее трёх рублей. Не с моими способностями оставаться в минусе, но и всё время выигрывать нельзя, иначе останусь без заработка. Ну кому интересно тягаться с тем, кого никак не получается побить.

Правы были мои консультанты, с телом реципиента я мог творить буквально чудеса. Даже с учётом особенностей слоя, в который меня забросило. Достаточно было отстранить свой разум от тела реципиента, беря его под контроль, словно аватар, и возможности в ловкости, выносливости и болево-

го порога серьёзно так расширились. Некоторые пилигримы называли такое состояние боевым трансом, другие режимом РПГ, мне больше нравилось «режим аватара», так как, по моему мнению, это куда лучше передавало суть происходящего.

Вкупе с абсолютной памятью я обладал просто исключительной скоростью обучаемости и сбором статистических данных. К примеру, теперь мог определить расстояние с точностью едва ли не лазерного дальномера. Или после нескольких бросков ножа на различную дистанцию уже никогда им не промахиваться. Во всяком случае, по стационарной мишени. И уж тем паче по противнику.

Впрочем, не двенадцатилетнему пацану метать ножи в людей или животных. Силёнок маловато, чтобы представлять для них опасность. Но вот для игры в ножижки моих навыков более чем достаточно. От родителей копейка, конечно, перепадает, но не так чтобы много, всё же они у меня мелкопоместные дворяне. Вот и забочусь о себе сам.

– Шелест, сыграем ещё, – потребовал соперник, заступая мне дорогу.

– Сегодня не твой день, Тукан, смирись, – подбрасывая на ладони серебряные монетки, произнёс я и сделал шаг в сторону.

– А дать отыграться? – вновь заступая мне путь, потребовал мальчишка.

– Уговор был на пять кругов. Это был пятый, – вновь де-

лая попытку обойти его, покачал головой я.

– Давай шестой. На все, что у тебя на кармане.

На этот раз он сделал небольшой шаг навстречу и упёрся своим плечом в моё.

– Тукан, ты ничего не попутал? – повернув к нему лицо и глядя прямо в глаза, спросил я.

В ответ на это ватага моего соперника подалась вперёд, мои немногочисленные товарищи также подступились ко мне. Четверо мальцов по двенадцать-тринадцать лет плюс я против целой дюжины таких же малолеток. Счёт не в нашу пользу? Ну, это вряд ли. Даром, что ли, натаскивал их.

И тут я ощутил, как отточенное лезвие упёрлось мне в живот. Неужели этот имбецил решил вот так радикально из мелкой гопоты перешагнуть на более высокую ступень в преступной иерархии? Я чуть склонил голову набок, изображая удивление и словно вопрошая, точно ли он готов пойти до конца.

– Тукан, ты дурак? – нейтральным тоном произнёс я.

– Это ты мне? – ощерился пацан, всё ещё не решивший, готов ли он сделать последний шаг.

Пытаться урезонить словом накручивающего себя мальчишку бесполезно. Он уже начал накачивать себя, без чего в его возрасте никак. А вот я в подобном не нуждаюсь.

Резко повернув торс влево, я предплечьем опущенной левой же руки увёл в сторону клинок и сразу нанёс удар верхним ребром ладони правой по горлу. Вот как-то пле-

вать, что могу перебить ему трахею и отправить на тот свет. Не смотри, что у меня силёнок маловато, передо мной ведь тоже не взрослый мужик.

Тукан захрипел, выронил нож и, схватившись за горло, осел на колени, после чего завалился на бок и, скрючившись на песке, начал мелко сучить ногами. Присутствовавшие при этом мальчишки замерли, словно громом поражённые.

Я присел перед поверженным противником и начал массировать ему горло, отмечая, что ничего не сломал, и он скоро оклемается. Так оно и вышло. Пара-тройка минут, и Тукан задышал без затруднений, хотя при этом покашливал и разминал горло.

Вот и ладушки. В принципе, даже если убью, мне ничего особенного не будет. В крайнем случае моим родителям пришлось бы выплатить его родным виру. Учитывая угрозу мне ножом, она составит не более ста рублей. А может, судья и этого не потребует, ведь и мальчишки, и кто постарше прекрасно знают, что я дворянский сынок, которому вечно не сидится за стенами школы-пансиона. На дворян же вот так, на дурака, с оружием переть не рекомендуется.

– Ну как, пришёл в себя? – похлопав его по плечу, поинтересовался я.

Тот в ответ только пару раз кивнул, явно не в состоянии говорить.

– Вот и ладно. А это тебе урок на будущее.

Я ухватил его за правое запястье и тут же вывернул руку, потом упёрся коленом в локоть и резко дёрнул на себя, выгибая в обратную сторону. Сломать вообще без вариантов, силёнок не хватит, хотя я и занимаюсь спортом без дураков. Зато растяжение паразиту обеспечено. Пусть походит в бинтах, побаюкает руку, чтобы мозги на место встали. Будет знать, в кого ножичком тыкать. Ну и другим наука. Ко мне с уважением даже старшаки, чего уж говорить о мелочи. Так что жестокий урок не помешает.

Не зазорно ли мне, по факту разменявшему седьмой десяток, вязаться с ребяtnей? Должен быть умнее и вразумить подрастающего гопника словом? Увы, педагог из меня, как из свиньи балерина. Зато я знаю одно – сколько ни говори и не убеждай, через боль доходит куда лучше. В следующий раз, прежде чем взяться за нож, он трижды подумает, а стоит ли оно того. Проверено. В том числе и на себе.

– Пошли, братцы, – поднявшись, обратился я к своим товарищам.

Четверо мальчишек подались гурьбой за мной. Я с ними уже второй год общаюсь накоротке. Поначалу-то всё больше сам по себе. Но чем старше, тем небезопаснее становились для меня улицы славного города Воронежа, где и находилась школа-пансион, в которой я проходил обучение. Сидеть за стенами учебного заведения, выходя из него только организованными группами в сопровождении воспитателя, мне откровенно претило. Вот и прибился к группе пацанов

беспризорников, так оно всяко безопасней, да и веселее, чего уж там. Ага, детство в заднице заиграло.

Близко и этих не подпускал, но при случае мог рассчитывать на их поддержку и помощь. В ответ я оставлял ватаге часть заработанного мною, а ещё взялся обучать их рукопашке. Не сказать, что я в прошлом был знатным бойцом, но тут известные мне приёмы стали едва ли не откровением. Ну и сам я благодаря абсолютной памяти очень быстро усваивал новые ухватки. Отчего биты бывали не только мои сверстники, но один на один порой доставалось и старшкам.

Двенадцать лет пролетели довольно быстро, и выдались они вполне себе насыщенными. Я буквально наслаждался тем, чего в прежней своей жизни был лишён. Нормальная семья, а ни какое-то там недоразумение. Не буду описывать всего того, что творилось у меня на душе, и как из натурального волчонка я превратился в любящего сына и брата. Сам в шоке, потому как всегда полагал, что подобное просто невозможно.

Скажу одно, при мысли о близких у меня теперь тепло по сердцу разливается. Ну и такой момент, что сегодня я готов за свою семью порвать любого голыми руками, как Тузик грелку. И это при том, что по факту мы ведь не родные. Не прошли эти годы даром, что тут ещё сказать.

В отличие от героев книжек прогрессор из меня не получился. И вовсе не потому, что я плохо учился в школе. Да-

же в этом случае мне было, что привнести в этот мир. Всё дело в возрасте. Кто в здравом уме станет слушать мальчика? Ну и такой момент, что у меня и самого-то особого желания нет.

Только тут я узнал, что значит фраза «беззаботное детство», и наслаждался этим в полной мере. Рыбалка на зорьке, пикник с семьёй, детские праздники, поездки в гости в соседние поместья, приём гостей у себя, игры с соседской ребятнёй или забавы с крепостной детворой. Да, фактически я уже разменял седьмой десяток, но тысячу раз права поговорка, которая гласит, что дети в нас не умирают никогда. Есть возможность, я и веду себя как сорванец.

Кстати, за неуёмный нрав меня систематически секут розгами, да только я не в обиде. За дело наказывают, чего уж там. Хотя, конечно, Макаренко в гробу переворачивается от подобных методов воспитания. В прошлой жизни мой обидчик непременно поплатился бы. Здесь же я безропотно принимал наказание, пусть и не всегда полагал себя виноватым. Ну вот не было во мне обиды на родителей, хоть тресни.

Опять же, как злиться, если после экзекуции матушка самолично накладывает мазь, чтобы облегчить мои страдания. Вообще-то, могла и Силу использовать. Одарённая она пятого ранга или погулять вышла? Ее лекарь, но уж базовыми-то плетениями всяко-разно владеет, а для отметин от розог этого более чем достаточно. Но нет. С одной стороны, сердце болит, с другой, понимает, что для меня это наука

на будущее.

Откуда ей знать, что меня уже не переделать. Хотя-а-а-а ерунда всё это. Любой может измениться, и я яркий тому пример. Порой меня секут, а я, скрипя зубами, представляю, как сразу после этого ко мне подбегут старшие сестрёнки и станут щебетать, сочувствуя и подбадривая. Стараясь держаться солидно, подойдёт брат, покровительственно хлопает по плечу, мол, держись, воином станешь.

Ещё как стану, и вовсе не оттого, что мы являемся воинским сословием. В зависимости от стихии дара и служба царская определяется. Батюшка земельник, ветвь не боевая, поэтому он отслужил шесть лет чиновником в Берг-коллегии и теперь занимается поместьем. Но в той или иной мере воинскую науку познают все, и сегодня отец значится в резерве Воронежского посадского полка. На строевую службу их не призывают, они несут только седёночную, раз в год собираясь на учения, да согласно графика участвуют в патрулировании дорог.

Вот матушка совсем другое дело. Она у меня огневик, окончила Курский кадетский корпус, отслужила положенные три года в императорской армии и ушла в посадское войско. Год строевой службы на границе с Диким полем, затем два года сидёночной, когда она пребывает в резерве.

Но со мной уже всё предопределено. К какой бы стихии я не выказал предрасположенность, служить мне в гвардейском Измайловском полку одарённых. Таких, как я, ту-

да записывают сразу после инициации, и хочешь не хочешь, а шесть лет Родине отдай.

Непонятно? Вот и я поначалу не понял, что попал в слой, где существует самая настоящая магия. Любой, имеющий дар, даже самый слабенький, является дворянином. Случаются одарённые и среди черни, порой их отмечает Сила, но куда чаще это прижитые от благородных.

В первом случае нередко это достаточно сильные одарённые. Во втором непременно слабенькие настолько, что им прямая дорога в гвардию его императорского величества. Вообще-то, все офицеры дворяне, а значит, владеют даром, и только в Измайловском полку ими являются даже рядовые. Правда, особой силой дара никто из них похвастать не может.

К слову, с этой Силой всё не слава богу. Первый ребёнок в дворянской семье всегда самый одарённый, и именно он имеет большие шансы обойти своих родителей по силе дара. Второй зачастую слабее, и шансы превзойти родителей уже малы. Третий никогда не станет сильнее их и до крайности редко бывает слабее. А вот четвёртый...

Меня, в смысле реципиента, зачали совершенно случайно. Вроде и береглись, но вот не доглядели. Таких, как я, называют поскрёбышами, младшие и слабые дети, и в плане одарённости мы порой даже ниже прижитых от черни. Мои дела тем хуже, что сила дара родителей ниже среднего...

– Ваша доля, братцы. – Я достал из кармана четыре монеты по пять копеек и раздал ватажникам.

Хорошие деньги, между прочим. Дневной заработок взрослого мужчины горожанина составляет порядка трёх копеек, курица стоит копейку. За полкопейки можно купить кусок пирога с зайчатинной или крольчатинной, которым весь день сыт будешь.

Я всегда отдавал от четверти до половины добытого с помощью ребят. Всё по-честному.

– В школу побежишь? – поинтересовался Береста, вожак нашей ватаги.

– Нет. Погуляю ещё. Всё одно сечь будут.

– Так давай с нами. Прикупим харч, и на пустырь тренироваться.

Ребята вошли в раж. Поначалу-то скептически относились к моим приёмчикам, пусть и видели, как я валяю старшаков. Хотя заниматься всё же занимались. А потом случилась драка, где мы лихо намяли бока шестерым мальчикам, которым не понравилась ватажка мальчишек, бродящих по их улице. После этого от тренировок их стало не оторвать. Ну, чисто фанаты.

– Не хочу сегодня, – тряхнул я головой.

Ну вот нет желания исходить потом на тренировке. Тем паче, что в отличие от ватажников мне так много заниматься не надо. Спасибо абсолютной памяти. Силовой под-

готовкой и растяжкой я не пренебрегаю, но занимаюсь с утра в школьном гимнастическом зале.

– Ну как знаешь. А мы пойдём потренируемся малость. Айда, братья, – подытожил Береста, увлекая ребят с собой.

Я постоял какое-то время, провожая их взглядом, а потом решительно зашагал в сторону трактира. В этом заведении практически на окраине Воронежа я был завсегдатаем. Не сказать, что хозяину заведения это нравилось, а ну как кто обидит барчука, после беды не оберёшься. Но и выставить меня за дверь он не мог, не того полёта птица.

– Здравия, дядька Василь, – приветствовал я трактирщика, войдя в обеденный зал.

– И тебе поздорову, Шелест, – назвал он меня по прозвищу.

Нормально. Он, само собой, знает, что я из благородных, но коль скоро сам так назвался, то и он не стал выяснять, как меня звать на самом деле. В смысле сделал вид, конечно же. А так-то на всякий случай разузнал в лучшем виде. И про то, что матушка моя уже капитан Воронежского посадского полка, ему известно доподлинно. К слову, репутация у неё грозной воительницы.

– Тебе как всегда? – поинтересовался половой, на пару лет старше меня.

– Ага, – сглатывая слюну, ответил я.

Не сказать, что в школе кормили плохо, но эти куцые порции никак не могли удовлетворить потребности моего рас-

тущего организма. Опять же, я мясоед, люблю его и потребляю в неприличных количествах. За один присест схарчить крупную курицу вообще без проблем. Хотя сейчас мне принесут говядину, которую я уважал куда больше птицы.

Надо сказать, одной из причин моих постоянных отлучек была вот эта обжираловка. Ватажникам я об этом не сказал умышленно, потому что пришлось бы и их приглашать, а тогда и оплачивать банкет. Эти парни мне полезны, но в друзья я их записывать не собираюсь. Детство оно такое. С возрастом в подавляющем большинстве интересы меняются и дорожки расходятся, оставляя всё светлое лишь в ностальгических воспоминаниях.

Наевшись от пуза всего лишь за две копейки, я поднялся из-за стола, поблагодарил трактирщика и направился на выход. Схожу на рыночную площадь, там уже второй день даёт представление бродячий театр. С развлечениями тут не очень, скукота.

Пробовал читать книги, да куда там. И дело даже не в пафосном стиле современных авторов, а всё в той же абсолютной памяти. Мне той книги минут на десять, достаточно пролистать, как я уже всё запоминаю. Поначалу-то ещё ничего было, ну запоминал и запоминал, читал-то с обычной скоростью. Но с годами научился усваивать страницу за несколько секунд.

В альма-матер я направляюсь не раньше вечера. Потому как сечь меня будут однозначно. Впрочем, это если повезёт,

а то могут и в карцер определить, чего не хотелось бы категорически. И ведь никого не интересует, что я могу хоть сейчас выдать всю школьную программу до последней запятой. Потому как учёба это не только и не столько образование, сколько воспитание. Ученикам с детских лет вкладывались в голову понятия чести, беззаветного служения России и императорскому престолу...

Началось это ещё при царице Софье Алексеевне, слабой одарённой, но обладавшей недюжинной волей и умом. Впрочем, как по мне, то она скорее уж умела окружить себя достойными помощниками и в борьбе за власть не стеснялась средств. Из двух младших братьев-соправителей опасность для неё представлял Пётр, с которым и случилась беда. Оно вроде и не подкопаешься, так как произошёл несчастный случай на московской верфи, где строился парусник на потеху юному царю. Но больно уж на руку это оказалось Софье Алексеевне, о чём народ по сию пору перешёптывается с оглядкой.

При всех отрицательных качествах первой императрицы, пользы государству она принесла много. И самым главным её достижением я считаю созданную ею систему образования. Романова практически полностью скопировала её у иезуитов. Но не бездумно, а сумела отлично адаптировать под местные реалии и собственные нужды.

К делу царица-регентша подошла не впопыхах, желая до-

биться скорейшего результата в кратчайшие сроки. К цели она двигалась планомерно, шаг за шагом, на протяжении практически всего своего правления, длившегося сорок три года. Софья сумела увидеть плоды деяний своих ещё при жизни и передать их в руки наследницы Анны Иоановны, дочери покойного брата Ивана.

Если коротко, то в каждом крупном городе имелись школы-пансионы, те же интернаты, где с восьми лет обучались окрестные дворяне. На пансионе находились и дети дворян, проживающих непосредственно в городах, тут исключений не делалось. Воспитанники выходили в город в воскресные дни, разумеется, если не имели провинностей.

Через четыре года ученики переходили в гимназию-пансион, где учебная программа была расписана на шесть лет. Здесь же, достигнув восемнадцати лет, они проходили инициацию дара и определяли стихию, к которой имели склонность. И направление, в котором будет проходить их дальнейшее обучение.

Университеты находились только в царских городах, имевшихся в каждом из княжеств империи. За три года обучения студенты постигали не только науки, но и учились владеть даром. Ведь именно в количестве и мастерстве одарённых настоящая сила империи...

– Добрый вечер, Пётр Анисимович, – заложив руки за спину, встретил меня воспитатель.

– Добрый вечер, Александр Владиславович, – приветствовал его я.

– Надеюсь, вы хорошо провели время, молодой человек?

– Благодарю, я потратил его с пользой.

– Вот как? И чем же, позвольте спросить, вы были заняты?

– Смотрел представление бродячего театра. Они сегодня давали «Школу мужей» Мольера.

– Достойная комедия. Чего не сказать о вашем поведении. Полагаю, что трое суток карцера на хлебе и воде пойдут вам на пользу. Опять же, сможете в полной мере насладиться тишиной, чтобы осмыслить творение великого французского комедиографа.

– Может, розги? – с надеждой спросил я.

– Нет уж, Пётр Анисимович, после розог вы отряхнётесь и продолжите в том же духе. Мне же важно не ваше наказание, а чтобы вы осознали ваш проступок и сделали выводы на будущее.

Вот же! И ведь даже разозлиться на него по-настоящему не могу. Дядька, спору нет, жёсткий, но с другой стороны, он ведь за нас в ответе, случись что со мной, и с него спросят.

Глава 3

Очередные трое суток карцера на хлебе и воде это не страшно. В детстве, помнится, была поговорка – если вас трамвай задавит, вы сначала вскрикните, раз задавит, два задавит, а потом привыкните. Так и меня поначалу это напрягало, куда предпочтительней было получить розог, чем сидеть взаперти. Но после я приспособился, и одиночная камера стала как родной дом. Единственно напрягала параша, которую надсмотрщик, он же дворник, выносил раз в день.

Как я уже говорил, с чтением у меня не задалось, поэтому спасаюсь рисованием. И к своим семнадцати годам поднаторел в этом настолько, что освоил стиль гиперреализма. Ничего сверхъестественного, как и говорили другие засланцы, с которыми я общался. Разве только добиться этого получилось лишь благодаря упорному труду, это всё же не одно и то же, что работать с большими массивами информации.

К слову, в образовании дворян на рисование отводится куда больше времени, чем на ту же математику. Бог весть с чем связан этот перекося. Помнится, я когда-то удивлялся тому, как Пушкин и Лермонтов хорошо рисовали, умудрявшиеся делать иллюстрации к своим произведениям, да ещё и перьями. Как оказалось, они попросту были лишены выбора.

В моём случае практики было ещё больше, так как в

дополнение к учебной программе я был ещё и завсегдатаем в школьном карцере, теперь вот освоил гимназический. Ну, чисто рецидивист. Что поделать, не сиделось мне в стенах учебного заведения. В прежней жизни не любил учёбу, в этой значительно опережал по знаниям своих одноклассников.

Впрочем, сейчас я не рисовал, а чертил, для чего не нуждался ни в каких принадлежностях, достаточно свинцового карандаша, бумаги и мякиша хлеба, чтобы стирать огрехи. Вот так у меня всё кучеряво, натренированный абсолютной памятью глазомер плюс тело реципиента в режиме аватара давали просто исключительный результат.

Признаться, очень напрягало, что в славном тысяча семьсот шестьдесят третьем году не существовало ударных составов для капсюлей. По прошлой жизни мне было известно только название «гремучая ртуть», что как бы предполагало исходный материал, но на этом и всё. Двоечник как он есть.

Правда, желание иметь нормальное оружие от этого меньше не становилось. И дело даже не в том, что я в родном мире прошёл через четыре войны, причём три из них по собственной воле и, можно сказать, из-за адреналиновой зависимости. Нравилось мне воевать, что тут ещё сказать. Однако в этом мире умение драться и обладание хорошим оружием это уже не вопрос желания, а необходимость, так как опасность могла подстергать даже при поездке в соседнее поместье.

Если в школе я убегал только для того, чтобы проводить время вне стен пансиона и возиться с уличными ватагами мальчишек, то с переходом в гимназию ситуация изменилась. Я подвизался в добровольные и, что самое главное, бесплатные помощники одного оружейного мастера. С учётом того, что руки у меня не из задницы растут, а сам я мог кое-что подсказать, Сергей Андреевич только руки потирал.

В своё время из меня получился неплохой слесарь широкого профиля, а когда работал на сахарном заводе, освоил и токарное дело, так как собственный токарь там отсутствовал. С развалом СССР многих специалистов было в пору записывать в красную книгу. Плюс к этому я изучил всю доступную местную литературу по механике. И если из прошлой жизни я хорошо запомнил только то, чем занимался практически, тот тут вся информация словно записывалась на жёсткий диск компьютера.

Надо сказать, что оружейник Дудин оказался не чванлив и охоч до всяких новинок. Тем паче, если частично расходы я брал на себя. Не от широкой и щедрой души, а с прицелом на будущее. Если честно, то пока без понятия, зачем мне это, но посчитал, что иметь своего оружейника всегда полезно. Ну вот не было у меня конкретных планов, а добыть средства не составляло труда.

В результате мастерская Сергея Андреевича обзавелась несколькими станками. И самые главные из них это токарный, благодаря которому ружейные стволы теперь не кова-

лись, а сверлились, и стан для выделки нарезов в стволах. Цены на штуцера остались прежними, а вот трудозатраты и сроки изготовления значительно уменьшились при увеличившихся объёмах...

Так как от кремня мне не уйти, я решил использовать колесцовый замок, взводимый опускающимся посредством скобы клиновым затвором, который одновременно открывал крышку пороховой полки. А то с ударным замком придется прибегать к различным ухищрениям, чтобы избежать травмы от разлетающихся крупинок несгоревшего пороха. Ствол нарезной калибром в четыре линии, как на берданке. В качестве боеприпасов патроны по типу тех же охотничьих к дробовикам, но со шпилькой и затравочным отверстием.

Трудился я над этой конструкцией уже не первый месяц, и на бумаге вроде бы получалось вполне себе прилично. Оставалось воплотить в металле и посмотреть на результат. Хотя-а-а, положи руку на сердце, я очень сомневаюсь, что выйдет хуже местных образцов, которые точностью боя, мягко говоря, не блистали.

– Здравствуйте, Александр Владиславович, – поднявшись, приветствовал я вошедшего в камеру воспитателя.

Так уж вышло, что мой переход в гимназию совпал с его переводом сюда же, и наше знакомство продолжилось. Не сказать, что данное обстоятельство его обрадовало, но не отказываться же от повышения из-за одного неуёмного воспитанника.

– Здравствуйте, Пётр Анисимович. Я вижу, вы тут уже прямо, как дома, – беря в руки один из листов с чертежом колесцового замка, произнёс Иванов.

– Приходится приспосабливаться, – пожал я плечами.

– Мне известно, что вы уже не первый год подвизаетесь в оружейной мастерской и находите удовольствие от работы за верстаком. Но не подозревал, что вы ещё и изобретатель, – слегка приподняв лист с чертежом, произнёс он.

– Балуюсь понемногу, а получится что из этого или нет, пока непонятно.

– Ну, тут я склонен верить в то, что вы преуспеете. Так как весьма упорны и умеете добиваться своего.

– Спасибо на добром слове.

– Это всего лишь правда. А скажите-ка мне, Пётр Анисимович, не устали ли вы от карцера?

– В этих облезлых, а зимой ещё и промозглых стенах есть своё очарование, Александр Владиславович, – улыбнувшись, заверил я.

– А вот я уже устал вас сюда определять. В изучении учебной программы равных вам нет, это я уже давно признал. Но дисциплина... – Он покачал головой.

– Каюсь, – понурил голову я.

– Ой ли? Ну вот какой пример вы подаёте младшеклассникам? Вы ведь для них герой.

– Ну, так расскажите им, что я поскрёбыш, и терять мне нечего, хуже уже не будет. Что я делаю ставку не на дар, а на

свои познания в области механики. Я вообще не понимаю, отчего за прошедшие девять лет вы так и не махнули на меня рукой.

– Вы не единственный поскрёбыш в Воронеже.

– Возможно. Но наша участь уже predetermined, сразу по выпуску из гимназии служба в Измайловском полку ода-рённых. Учить нас в университете или корпусе бессмысленно, ибо выше второго ранга нам не подняться, хоть на пупе извернись.

– И это значит, что можно махнуть рукой на устав гимназии?

– Да я уже давно махнул бы, потому что ничего полезного тут почерпнуть не смогу. Отпустили бы вы меня с богом, а там явлюсь я в положенный срок, чтобы пройти инициацию, проведёте всё ладком да отправите в полк.

– Махнуть рукой на императорский указ об обязательном образовании дворян? Вы, конечно, молоды, Пётр Анисимович, но вам всё же следовало бы думать наперёд, прежде чем что-то говорить.

Вот так всегда, когда нет разумных доводов, начинают цепляться к словам и вкладывать в них такой смысл, о чём даже мысли не было. Поэтому я предпочёл молча выслушать очередную нотацию на тему недопустимости подобного поведения, не то заработаю ещё пару-тройку суток карцера. Не сказать, что так уж смертельно. Но это всё же ограничивает мою свободу.

На этот раз нотация не продлилась слишком долго. Я замер истуканом, вперив взгляд в противоположную стену, и в какой-то момент Иванов понял, что я даже не стараюсь вслушиваться в его слова.

– М-да. Похоже, я зря сотрясаю воздух, – наконец произнёс воспитатель.

– Я так понимаю, что моё пребывание в карцере подошло к концу. Или вы пришли сюда, чтобы лично продлить срок? – уточнил я.

– Наказание за свою провинность вы отбыли, держать вас сверх меры я не имею права. А посему до следующего раза, Пётр Анисимович.

Ну что сказать, мы оба были заложниками императорского указа об обязательном образовании дворянского сословия. Меня не имели права выгнать из гимназии, и окончить её экстерном я также не мог. В день восемнадцатилетия гимназистам предстояло пройти инициацию под присмотром учителей.

Привлекать к ответу родителей за нарушение дисциплины их чада? Было дело, вызывали. Матушка высказала мне своё неудовольствие и попросила начальника гимназии не делать мне скидок. И я держал ответ за своеволие, причём весьма жёсткий. Карцер это вам не баран чихнул. Тут ведь и здоровые оставить можно, а потом на лекарей разоришься.

Таил ли я обиду на матушку? Вот уж нет! Она имела со мной откровенный разговор и заверила, что достаточно

одного моего слова о предвзятости учителей, и она камня на камне не оставит от школы, а когда перешёл в гимназию, то грозилась разобрать и её. И я ей верил, она может. Вроде бы и обычный капитан посадского войска с невысоким пятым рангом, но имеет заслуги и значится на особом счету.

Выбравшись из подвала, я подмигнул дворнику Кузьмичу и, замерев под солнечными лучами, с наслаждением потянулся, сжимая в руке папку с листами. Красота-то какая! За зиму успел соскучиться по настоящему теплу, а тут ещё и карцер с его ночной жизнью. Морозы и распутица уже позади, но по-настоящему тепло только на солнце, стоит зайти в тень, как тут же ощущается стылость, идущая от земли и стен.

– Петя!

Ко мне подбежала сестра и с ходу повисла на шее, звонко чмокнув в щёку. Мальчики и девочки обучаются в смешанных классах, чего в известной мне истории не было и близко. Разве только проживают в разных корпусах, да ещё и отделённых друг от друга высоким забором. Но сейчас утро, гимназисты готовятся к новому учебно-трудовому дню, а потому ворота пансионов открыты и доступ на общую территорию свободный.

Особенности этого мира, где многое завязано на силу дара. У простецов царит безоговорочный патриархат, а вот у дворян всё неоднозначно. На законодательном уровне главой семьи считался тот, у кого выше ранг. В нашей семье

у отца только четвёртый, а потому для всех глава семьи ма-тушка. Но это лишь на людях, а так слово батюшки закон. Было дело, я как-то брякнул ему «батя», так он лично отхо-дил меня кожаным ремнём пониже спины. Больше я подоб-ные эксперименты не повторял.

– Лиза, ты чего прыгаешь, как маленькая. Выпускница же как-никак, – воровато чмокнув сестру в ответ, расцепил я её руки у себя на шее.

– Ой, ладно, можно подумать! Пусть завидуют молча!

– Да на учеников плевать, гляди, как бы матроны ваши не заметили и не наказали за неподобающее поведение.

– Елизавета Анисимовна, я бы советовал вам прислушать-ся к словам вашего брата, – послышался сзади голос Ивано-ва, поднявшегося из подвала следом за мной.

– Здравствуйте, Александр Владиславович, – тут же от-странилась и потупила взор Лиза.

– Здравствуйте, барышня, – поздоровался он и прошёл мимо нас.

– Петя, что скажу! Меня Ганина Лена в воскресенье при-гласила на день рождения, – с нескрываемым восторгом про-изнесла Лиза.

Вообще-то, подавляющее большинство подданных рос-сийской короны даже не помнят точную дату рождения. Зато все непременно отмечают именины, почитая святого, в честь которого было дано имя. Но дворяне непременно от-мечают восемнадцатилетие, так как именно в этот день про-

ходит инициация. Масштабы торжества зависят от силы свечения плетения стихии, по которому можно предположить, насколько сильный одарённый явился в этот мир.

Ганины, похоже, не сомневаются в своих генах и решили закатить пир горой. Как показывает статистика, они имеют все основания полагать, что Елена Гордеевна станет достаточно сильной одарённой. И то, что она первый ребёнок, ей только в плюс.

– Лиза, не вязалась бы ты с боярышней. Не твоего поля ягода. Мало что мы из посадских дворян, так ещё и дар у нас изначально слабый, а ты третий ребёнок. Матушку тебе не переплюнуть, хорошо хоть, вровень выйдешь.

– Лена не такая, – обиженно стрельнула в меня взглядом сестра.

– Сейчас не такая, после станет такой.

– Петя, ну вот зачем ты так? Думаешь, что если на тебя косятся...

– Лиза, а вот это вообще тут ни при чём. Я на своём даре уже давно поставил крест, поэтому рассчитываю не на Силу. И тебе советую, будь собой, не засматривайся на тех, кто тебя никогда не примет ровней.

– Ты здоров? – вскинув головку, поинтересовалась она.

– Здоров, – со вздохом ответил я.

– Вот и слава богу. Пойду готовиться к занятиям. – Она резко обернулась, взметнув юбку мундирного платья, и унеслась прочь.

Вот же егоза! Потом ведь сама плакать будет. Ладно, пусть набивает шишки. Это только гении способны учиться на чужих ошибках, остальные всё больше на собственном горьком опыте. И да, не смотри, что мне суммарно шестьдесят семь лет, я тоже порой такие коленца выделяваю, что хоть стой, хоть падай. Ага. С учётом возраста я далеко-о-о не гений.

Миновав гимназический двор, я вошёл в распахнутые ворота внутреннего двора мужского корпуса. Пока пересекал его, попутно здоровался со встречными гимназистами. Конечно, среди них хватает тех, кто относится ко мне предвзято из-за заведомой никчёмности моего дара. Но, во-первых, подавляющее большинство дворян не могут похвастать большими достижениями на этом поприще, а дети зачастую идут по стопам своих родителей. И во-вторых, искра дара есть в каждом из нас, это установленный факт, но сейчас мы все самые обычные люди и можем рассчитывать лишь на собственные силы.

Я поднялся по лестнице на четвёртый этаж, где проживал наш класс, и, едва оказавшись в коридоре, увидел боярича Ворохова, нависшего над Смирновым, поместье родителей которого находится по соседству с нашим. Иван постоянно зачитывается приключенческими романами, неизменно ассоциируя себя с их героями, но по факту редкостный трус. Пару раз я пытался заставить этого хлюпика заниматься спортом и учил драться, что могло бы повысить его самооценку и вселить уверенность в себе. Однако не преуспел

в этом, Ванька очень быстро сбегал от меня, ну а я не готов тащить, тянуть и толкать в светлое будущее.

— ...Сударь, вас ведь никто не неволил, вы сами просили меня продать вам стилет, обязавшись выплатить его стоимость, — разведя руками, довольно нагло произнёс боярич Ворохов.

Глеб в свои семнадцать уже здоровый верзила, но вскоре обещает и вовсе вымахать в косую сажет в плечах. Во всяком случае, он весь в отца, а тот настоящий богатырь. С ним всё время ошиваются четверо подпевал, и эта пятёрка держит в кулаке весь наш класс.

Исключением являюсь только я. Мы просто делаем вид, что не замечаем друг друга. У меня ещё со школьной скамьи сложилась определённая репутация. Пока не пришла пора почувствовать Силу, приходится рассчитывать лишь на свои силы и ловкость, а тут я могу удивить и не таких здоровяков. Даже инициация не больно-то изменит этот расклад, но уже в течение первого года я превращусь в аутсайдера.

— Да, но я не думал, что окажусь столь стеснён в средствах, — возразил Смирнов.

М-да. Похоже, соседу втюхали клинок, и вот теперь настал час расплаты. Того и гляди ещё и на счётчик поставят. Это насколько же нужно головой заболеть, чтобы вязаться с Вороховым и компанией. Неужели нескольких лет недостаточно, чтобы понять, кем является боярич.

— Здравствуйте, господа, — не смог я пройти мимо.

– Чем-то можем быть полезны? – полуобернулся ко мне Ворохов.

– Просто хотел уточнить, о каком стилете идёт речь.

– Вас это не касается, сударь, – достаточно вежливо, но с нажимом произнёс боярич.

– Конечно же, касается. Мы с Иваном с пелёнок знакомы и являемся соседями. Ваня, что за клинок?

– Пётр, право... – начал было Смирнов.

– Покажи, – оборвал его я.

Паренёк расстегнул пуговицы кафтана на уровне пояса и извлёк из-под полы стилет в ножнах. Нарядная вещица – ножны, рукоять и крестообразная гарда украшены цветным стеклом, ну чисто самоцветы. Я извлёк клинок из ножен, осмотрел сталь, попробовал на изгиб, после чего глянул на Ивана.

– И сколько?

– Послушайте, сударь... – снова начал было Ворохов.

– Во сколько вы оценили сию вещицу? – переадресовал я вопрос бояричу.

– Это касается только нас.

– Я уже сказал, что это не так. И потом, разве я не могу прийти на помощь моему соседу в затруднительной ситуации? – Я остановил дёрнувшегося было Ивана, положив ладонь ему на грудь.

– Пять рублей, – слегка задрав подбородок, наконец ответил Глеб.

– За это? – искренне удивился я. – Иван, сколько ты ему уже отдал? Ваня, вперехлёст твою в колено, отвечай.

– Рубль пятьдесят, – со вздохом ответил Смирнов.

– М-да. Ты уже переплатил, дружище. Глеб Егорович, позвольте вернуть вам вашу вещицу, выплаченное же вам прошу считать неустойкой.

– Я не принимаю возврат.

– Конечно, принимаешь, – теперь уже наплевав на вежливость, произнёс я.

Сунул клинок в ножнах за полу его кафтана и, слегка оттолкнув, освободил нам с Иваном дорогу. Понимая, что тот проявит нерешительность, я ухватил соседа за плечо и увлёк за собой.

Боярич даже не пытался нас остановить. То ли дело в сновавших по коридору гимназистах и возможности появления учителей-воспитателей. То ли в том, что он был один, а за мной закрепилась определённая репутация. Не суть важно. Не стал лезть в бутылку, вот и ладно. Мне обратно в карцер как-то не хочется. Мало ли что я там завсегдатай, это вовсе не означает, что я получаю удовольствие от нахождения в камере.

Глава 4

Дортуар¹ встретил нас суетой, толкотнёй и беготнёй. Одноклассники носились, как наскипидаренные, чтобы успеть закончить утренний туалет. Далее по распорядку завтрак и занятия.

Я прошёл к своей аккуратно застеленной постели. К слову, не мной. Меня тут не было уже шесть дней, а за это время на ней непременно кто-то успел поваляться, и кому-то из моих одноклассников приходилось приводить её в порядок, дабы выглядело все пристойно.

Выдвинул из-под кровати свой сундук, где хранились личные вещи, и, откинув крышку, уложил листы с чертежами в один из её парусиновых карманов. Я сам его мастерил из тонких берёзовых планок. Получилось куда менее массивно, чем у других, так как мне не приходилось заботиться о сохранности моего имущества. А благодаря множеству отделений и карманов каждый предмет лежал на своём месте.

– Пётр, зачем... – начал было Смирнов.

– За шкафом. Иван, ты чем вообще думал, когда брал у него эту безделку за дурные деньги? Ты вообще понимаешь, что твой долг начал бы расти не по дням, а по часам?

– Я сам решу...

¹ **Дортуар** – общая спальня для учащихся в закрытых учебных заведениях. –
Здесь и далее примеч. авт.

– Сам? – перебил я его, изобразив лёгкое удивление.

– Да, сам! – вскинулся тот.

– Лады. Значит, я помог тебе в последний раз. – Я слегка развёл руками.

После чего склонился над сундуком и, порывшись в вещах, извлёк из-под них нож в обычных ножнах. Для себя делал. Никаких вычурностей, удобная рукоять с деревянными планками, оплетёнными кожаным шнуром, упор под палец, лезвие прямое, на треть обоюдоострое. Вот не хотелось отдавать этому остолопу.

– Держи. – Я протянул клинок Смирнову.

– Что это? – удивился тот.

– Разве не видишь? Нож. Конечно, не такой нарядный, зато сталь отменная, и можно не только колоть, но и использовать в обиходе. Вещица куда более практичная.

– Зачем?

– Из-за меня ты лишился полутора рублей, а я в долгу оставаться не привык.

– Не надо, – затряс он головой.

– А я тебя не спрашиваю, – сунув нож ему в руку, припечатал я.

Затем развернул его и лёгким толчком между лопаток придал направление движения. Ну вот о чём с ним разговаривать? Пустопорожный мечтатель как он есть. Нет, книги и мечты это замечательно. Но не мешало бы ещё и прилагать хоть толику усилий для их осуществления. Тем более что

ему это может пригодиться, даже если не окажется на военной службе.

В своей прошлой жизни я умел драться, даже чему-то там учился. Только пригодилось мне это лишь в юности в банальных драках. С годами остепенился и уже старался решать вопросы не кулаками. А вот за четыре войны, в которых я участвовал, до рукопашки так и не дошло. Вообще. Ни разу. Даже за пистолет схватиться довелось лишь однажды, а за нож брался, только чтобы открыть консервы или нарезать колбаски.

Но здесь сойтись с противником грудь в грудь не исключение, а правило. Армии сшибаются в рукопашных схватках и молотят друг друга почём зря. Из огнестрела у тебя в лучшем случае есть выстрел из фузеи и парочка из пистолетов, да ещё и при высокой вероятности банальной осечки.

Покачав головой вслед уходящему Ивану, я открыл тумбочку и выдвинул ящик, где обнаружился кусок духовитого мыла. Достаточно дорогое средство гигиены, но ни у кого даже мысли не возникло прибрать его. Хватило одного прецедента.

Я тогда во всеуслышание объявил награду в целый рубль за сведения о воре. Вскоре нашёлся тот, кто соблазнился и шепнул мне на ушко имя. Ну что сказать, в этот раз в карцер я отправился не за самоволку. Зато больше ни у кого не возникало и мысли взять что-либо из моих вещей. Великое дело авторитет!

Скинув мундир гимназиста, я сложил его и убрал в сундук, из которого извлёк сменный и уложил на прикроватной лавке, рассчитанной на двоих. Сделал себе зарубку, что нужно будет устроить постирушку, схватил свежее исподнее, полотенце и направился в мыльню.

К слову, не имеет ничего общего с баней. Та в гимназии также имеется, но она только по субботам и расположена в отдельной постройке. Для помывки среди недели используется умывальное помещение в жилом здании. Просторная комната с печью, которая там как для отопления, так и нагрева воды. Но ни о каком паре речи не идёт в принципе. В наличии имеются несколько лоханей и вёдер.

Ну и, конечно же, большие бочки с водой, которые регулярно наполняют провинившиеся. Мне доводилось делать это неоднократно ещё в бытность в школе. Но в гимназии я предпочитал увиливать от подобного наказания, попросту бросая вёдра и сбегая в город, после чего неизменно оказывался в карцере.

Мыться в одиночку неудобно. Либо как-то изворачивайся, поливая себя ковшиком, либо проси о помощи товарища. Я решил пойти другим путём и использовал обычную садовую лейку, которую купил за свой счёт. К слову, изделия из металла довольно дорогое удовольствие, и этот инвентарь не исключение, но я посчитал, что вложение себя вполне оправдывает.

М-да. Ну то, что пользуюсь ею не только я, мне, конечно,

известно, но я не предполагал, что самому придётся стоять в очереди. Впрочем, а чего я, собственно говоря, ожидал? Парнишка, увидев меня, хотел было посторониться, к тому же он ещё и из младшего класса, но я только примирительно махнул рукой, мол, заканчивай.

Сам же вооружился вёдрами и начал разводить себе воду, хорошо хоть, горячую ещё не всю использовали. Не забыл восполнить в чане на печи выбранную воду и подбросить в топку пару поленьев. Это неизменное правило пользования мыльней, которого все непременно придерживались.

Душ это не баня, долго мыться не будешь. Вот если бы я был в поместье, тогда совсем другое дело, там нет никакой лейки и в помине, всё оборудовано в лучшем виде, практически центральный водопровод. Тут ведь ничего сложного, та же конструкция летнего душа, только ёмкостей две, и одна из них с подогревом.

Закончив мыться, я направился обратно в дортуар, чтобы одеться и присоединиться к остальным на завтраке. И обезлюдевший коридор безошибочно указывал мне на то, что следует поторопиться. Не сказать, что я так уж соскучился по еде в нашей трапезной, не отличавшейся разносолами, но и перспектива остаться голодным до обеда не прельщала. Ничего не поделаешь, порой всё же следует присутствовать на занятиях.

– А вот и наш поскрёбыш.

Я уже надел штаны и потянулся за ботинками, когда

за спиной послышался полный презрения голос Ворохова. Обернувшись, увидел в дверях дортуара боярича с четырьмя подручными, маячившими за его спиной. Сомнительно, чтобы он специально выслеживал меня, скорее всего, совпадение. Вокруг ни души, вот он и решил воспользоваться случаем.

Мы сейчас ничем не отличаемся от простецов и можем рассчитывать только на свои силы, а мой авторитет идёт впереди меня, но ведь их пятеро, а я один. Так что счёт явно не в мою пользу, а разговоры им нужны только для накачки себя решимостью, чтобы проучить меня.

Поэтому я не видел смысла играть по их правилам. Вместо этого стоит навязать свои, глядишь, тогда появится шанс выйти из передраги победителем. Если же оставить, как есть... Морду мне набьют однозначно, но и им просто не будет.

Не произнеся ни слова, я опустил руку к выдвинутому ящику своей прикроватной тумбочки и ухватил уже успевший подсохнуть кусок мыла. Короткий замах, и он, описав пологую траекторию, с тупым стуком влетел в лоб Ромашова. Тут всего-то семь шагов, так что прилетело крепко. Антон хекнул, мотнув головой, и упал навзничь, только ногами взбрыкнул.

Со мной даже в снежки отказывались играть, едва я научился их лепить. Для меня проблема была только в том, чтобы добросить, промахов же практически не случалось.

Если только противник не оказывался слишком уж ушлым, да и то со второго, максимум с третьего раза прилетало и ему.

Бросать в Ворохова бесполезно, этого здорового бугая таким макарон из строя не вывести. А вот Ромашова, что сложением поплюгавей, оприходовать получилось качественно и, похоже, надолго. Остальные замерли, словно громом поражённые, не столько из-за стремительной расправы над одним из их товарищей, сколько от неожиданности произошедшего.

Не теряя времени, я вновь опустил руку в выдвижной ящик тумбочки и теперь уже подхватил мыло соседа. Ещё один короткий замах, и второй снаряд отправился в полёт. На этот раз прилетело Гусеву, также не отличающимся могучим телосложением. Тупой стук, и второй противник осел эдакой тряпичной куклой.

– Ах ты, падла!!! – выкрикнул боярич и побежал на меня.

Жаль, что я не обут, ну не считать же обувью тапочки, из которых я поспешил выскочить. Но с другой стороны, босая нога не помеха, просто действовать нужно умеючи. Я встретил Глеба подъёмом стопы между ног, врезав по драгоценным колокольцам. Подлый удар? Да ладно! А впятером на одного это по чести, что ли?

Оставив позади тонко подвывающего Глеба, я скользнул к следующему, встретив его ребром раскрытой ладони в шею. Тут, главное, всё рассчитать, как надо, и не повредить

большой палец. Масса у меня побольше, так что противник взбрыкнул, и я уронил его на пол, где он захрипел, свернувшись калачиком.

Последний попытался достать меня, широко замахнувшись крепким кулаком, но в результате промахнулся, и я насадил его на колено, попав прямо в душу. Затем добавил локтём по шее, отправляя в нокаут.

Ну что сказать, сам в шоке от того, насколько легко всё вышло, всё же пятеро против одного. С другой стороны, тут ведь как – если кулачный бой, то кулаками машут, как булавами, от всей широкой души. Русский стиль? Пока ничего подобного не встречал. Вот если в руках оказывается сабля там или шпага, да хоть нож, тогда уже совсем другой расклад, а приёмам без оружия тут как-то не учат.

Я присел рядом с хрипящим Родионовым и, оторвав его руку от горла, начал массировать трахею. Вроде порядок, не сломал. Вообще-то, пока прецедентов не случалось, хотя я и не стеснялся использовать этот приём при каждом удобном случае. М-да. И всякий раз ожидаю, что вот сейчас перестарался. Кровь на моих руках есть уже и в этом мире, но одноклассник не настолько меня обидел, чтобы желать ему смерти.

– Нормально? – похлопав Родионова по щекам, спросил я.

Ответить тот не мог, горло всё ещё саднило, а тут ещё и кашель напал, поэтому дал понять кивком головы, мол, жив, хотя и не в полной мере здоров. Вот и ладушки. Похоже, и в

этот раз обошлось. Глянул на тонко подвывающего боярича, да и пострадавшие от мыла наверняка заполучили сотрясение головного мозга. Но с этим к лекарю, пусть ворожит над ними и приводит в норму.

В этом обществе потасовки среди мальчишек только поощряются, так как способствуют закалке характера, а любой дворянин должен быть готов встать на защиту отечества с оружием в руках. Как, впрочем, и уметь защитить свою честь с жизнью в придачу.

Так что даже случись драка между крепостным и дворянином, не факт, что крестьянину что-то будет. Зависит от многих факторов, но шанс выйти сухим из воды у простолюдина достаточно высок. Вот если членовредительство или убийство, тогда закон однозначно на стороне благородного, и ничего хорошего его противнику не светит. А вот дворянин может обойтись одной лишь вирой, а то и вовсе ничего не присудят.

Я подобрал мыло и, уложив его обратно в тумбочку, продолжил одеваться. Когда уже практически был готов покинуть спальное помещение, мои противники понемногу начали приходить в себя. Ворохов уже не скулил, а только глубоко дышал, при этом болезненно кривясь.

– Что тут происходит? – поинтересовался появившийся в дверях Иванов.

– Ноги не держат, спотыкаются на каждом шагу, – застёгивая короткополый кафтан, ответил я воспитателю.

– Так получилось, – пыхтя как самовар, подтвердил бледный Ворохов.

– Поторопитесь, судари, завтрак вот-вот начнётся. Ярцев, вы готовы?

– Готов, – подхватывая свою мурмолку², ответил я.

Императрица Софья была известной западницей, но как уже говорилось, она не копировала всё слепо и не душила исконно русское. В результате мужское и женское платья претерпели значительные изменения, во многом переняв элементы европейского стиля, но не утратив при этом русской самобытности.

– Пойдёмте со мной. – Сделав приглашающий жест, Иванов вышел из дортуара и, не дожидаясь меня, двинулся по коридору.

Пришлось догонять, надевая на ходу мурмолку так, чтобы клиновидный вырез на отворотах пришёлся точно по центру лба. Кокарды пока есть лишь в армии, да и то не в привычном мне понимании. Поспособствовать, что ли, развитию фурнитур для мундиров. Тем паче что придумывать, считай, ничего и не придётся, возьму из прошлой моей жизни. Ага. Так меня и стали слушать.

– Пётр Анисимович, оно того стоило? – когда я догнал Иванова, поинтересовался он.

– Ну, мы долго друг друга не замечали, и мне было пле-

² **Мурмолка** – русский головной убор с меховыми или суконными отворотами по тулье.

вать, пока он задевал тех, кто мне не интересен, но в этот раз боярич решил поживиться за счёт моего друга.

– У вас есть друзья? – Воспитатель даже остановился.

– Ну вот так оно всё неоднозначно. Ваня не виноват, что ему с младенчества вдалбливают в голову, что я ему не ровня. И тем не менее он со мной общается.

– Мне казалось, что ваши друзья за стенами гимназии.

– Там у меня точно нет друзей. Союзники, с которыми нужно держать ухо востро. Дворяне не принимают меня, так как мой дар гарантированно будет никчёмным, простолюдины – потому что я дворянин. Вот и остаётся дорожить тем, что имею.

– Понимаю. У вас после завтрака математика?

– Да, Александр Владиславович.

– Я поговорю с учителем, а вас попрошу отправиться в зал фехтования.

– Если мне не изменяет память, то там первые два урока у выпускного класса.

– Как всегда, ваша память вас не подводит. У Эльвиры Анатольевны есть к вам просьба. Она хотела бы, чтобы вы сошлись в поединке с княжной Марией.

– Зачем это?

– Вы ведь в курсе, что у неё нет соперников?

– Слышал об этом.

– Эльвира Анатольевна полагает, что причина бесспорных побед княжны не столько в мастерстве владения клинком,

сколько в её положении. Однако те, кто поддается ей, оказывают Марии Ивановне медвежью услугу. Ведь вне зависимости от стихии ей не миновать кадетского корпуса и службы в армии. Такова княжья доля. А противник, как известно, двойки не ставит.

– Вскоре княжна пройдёт инициацию и станет полноценной одарённой. Причём, судя по достижениям её родителей, не бесталанной, и соответствующие плетения выправят положение.

– Только первое плетение она сможет использовать в лучшем случае месяца через два после инициации, а если её дар будет соответствовать стандартам, так на это понадобится и вовсе четыре месяца. И потом, в будущем, ей ведь придётся сходить с такими же одарёнными, и как бы опять всё не свелось к банальному владению клинком. И наконец, воспитанникам корпуса, как и студентам, разрешены поединки без использования дара. А Мария Ивановна имеет довольно вспыльчивый характер.

– И Эльвира Анатольевна желает, чтобы я её встряхнул?

– Совершенно верно.

– И почему же эта честь доверена именно мне?

– Она полагает, что вы не станете делать скидок на её пол и титул. А так же считает вас самым талантливым фехтовальщиком гимназии. Правда, при этом не признаёт своим учеником.

– Отчего же? Матушка, конечно, учила меня, но многое я

почерпнул именно от Эльвиры Анатольевны.

– Она думает, что для этого вы были слишком редким гостем на её уроках.

Ну что тут сказать, я редко посещал отнюдь не только её уроки, но не жаловал и остальные предметы, что не мешало мне по ним преуспевать. Просто то, на что у других уходили месяцы тренировок, я постигал всего лишь за несколько занятий.

Сначала запоминал с первого показа, а затем самостоятельно делал несколько повторений, закрепляя навык. Потом была ещё и практика, спасибо моим походам за стены гимназии и частым потасовкам с уличными ватагами подростков. Понятное дело, поначалу ни о каких шпагах или саблях там не было и речи. Но кто мешает использовать в их качестве палку?

Дальше – больше и у меня появилась трость-шпага в форме всё той же палки с отстреливающимися ножами. И таки да, применять её доводилось. Ночные улицы окраин Воронежа полны неприятных сюрпризов, а прирезать там могут и за пару сапог. Ну вот такие тут простые нравы.

Раскланявшись с Ивановым, я поспешил в трапезную, чтобы не остаться голодным. Соседи по столу уже привыкли к моему систематическому отсутствию, а потому, не стесняясь, уминали дополнительную порцию. Трудно их в этом винить. Ну не выбрасывать же, в самом-то деле.

Глава 5

На завтрак я опоздал. Котёл за нашим столом, где сидел десяток гимназистов, был уже пуст. Однако голодным я всё же не остался.

– Пётр, – когда я подошёл к столу, подняв руку, сдержанным тоном позвал меня Иван.

Рядом с ним обнаружилось свободное место, напротив которого стояла керамическая миска с гречневой кашей, приправленной мясом. Вернее, салом. Сначала в детском доме, потом на срочке я всё удивлялся, куда умудряется телепортироваться мясо, оставляя после себя аккуратные кубики варёного сала. Другой мир, вроде и магия присутствует, а порядки всё те же. И ведь наши родители платят за обучение.

Я благодарно кивнул и опустился рядом со Смирновым. Не сказать, что еда выглядела аппетитно, но лучше поесть, потому что время обеда в этом мире не то же, что и в моём. Он тут в четыре часа пополудни, а сейчас только девять утра. Хотя есть, конечно, вариант сбежать и поесть в трактире, но не хотелось слишком уж наглеть.

Поэтому я взялся за деревянную ложку, невольно улыбнувшись. Здесь только благородные, но никто не обучает этикету, манерам и поведению за столом. По умолчанию этому должны научить родители, в школе и гимназии мы просто принимаем пищу. Вот в университетах и кадетских корпусах

уже будут уроки по этикету. Причина в том, что здесь мы получаем базовое образование и лишь на следующей ступени приступаем к изучению специфики. Ведь то, что позволено лекарям, неприемлемо для госслужащих, армейские офицеры ведут себя зачастую отлично от флотских.

– Пётр, спасибо за нож, но я тебе за него выплачу всё до копейки. Ты только цену назови, – тихо произнёс Иван, склонившись к моему уху.

Ага. Рассмотрел подарок, поди, ещё и примериться успел. А клинок у меня получился на загляденье сбалансированный, ухватистый, сталь такая, что железо рубить можно, песня, а не нож. Настолько хорош, что Ванька вон даже дуться нормально не может.

– Подарок, – буркнул я.

– Так не пойдёт, – затряс он головой.

– Тогда полтора рубля, – пожав плечами, назвал я цену.

– Он стоит дороже, – с сомнением произнёс Смирнов.

– Ты спросил, я ответил, – отправляя в рот кашу с куском сала и недовольно от этого кривясь, ответил я.

– Н-но...

– Не хочешь, выбрось, – проглотив первую порцию, равнодушно ответил я.

– Как выбросить? – не смог скрыть своего удивления он.

– Молча.

– Я з-заплачу, – покрываясь краской, как красна девица, произнёс он.

После завтрака все направились в наш класс, где должна была проходить математика. Один из гимназистов поспешил в учительскую, чтобы узнать, не понадобится ли что-то принести для урока. Признаться, я полагал, что порядки будут сильно отличаться от привычной мне школы. И по большому счёту так оно и было, но обнаружилось и нечто, не претерпевшее изменений и за сотни лет.

Хотя-а-а... До реформы системы образования Софьей Алексеевной учёба как раз сильно и отличалась. К примеру, ученики разных возрастов находились в одном классе, и упор делался больше на самообразование. Учителя по большому счёту являлись лишь побудительным мотивом, широко используя при этом розги. За наблюдаемую мною картину всё же нужно благодарить иезуитов. Такое впечатление, что их систему обучения создавал попаданец, ну или какой-нибудь свой гениальный педагог Макаренко.

Я не стал присоединяться к одноклассникам и направился в фехтовальный зал. Признаться, мне нравилось работать с клинками, но ради этого ходить на занятия... Чувство сродни тому, что я уже свободно читаю и пишу, нацеливаясь на классиков, а меня заставляют сидеть на уроке с теми, кто только осваивает букварь и лишь начинает складывать слоги.

– Пришёл, – смерив меня взглядом, ответила на моё приветствие Эльвира Анатольевна.

Отставной капитан гвардии Рябова была дамой статной и,

несмотря на свои пятьдесят пять, выглядела весьма эффектно. Ну или это у меня такой вкус, что ни говори, а мозгами я взрослый мужик и на молоденьких девочек смотрю скорее как на дочерей, хотя детей у меня и не было.

Ну вот как-то не получается рассмотреть в них женщин, и вместо желания обладать ими хочется их защищать и оберегать. А вот на кого постарше уже засматриваюсь с определённым интересом. И в этом мире у меня уже давно имелся опыт в интимных делах, но, опять же, с девками лёгкого поведения значительно старше меня. Конечно, сомнительно, что в случае, если подвернётся вариант с молоденькой, я стану читать ей сказки, но вот так у меня всё.

Учитель фехтования обладала сбитым крепким телом, притягивающим взор. Кожа на лице слегка задубевшая, заметны морщины, но это нормально для дамы её профессии, прошедшей не одну кампанию.

Не сказать, что женщинам в армии доставалось в равной степени с мужчинами, напротив, они имели множество послаблений. Но армейский быт, учения, походная жизнь и гарь сражений неизменно оставляют свой отпечаток. Тут уж слабо помогает и дар, выручающий местных красавиц в отсутствии нормальной косметики.

Одета Рябова в свободную белую рубаху, заправленную в форменные штаны-юбку, на ногах сапоги. Под рубахой угадывается корсет, без которого большинству дам никак не обойтись, как минимум не помешает обмотаться полот-

ном, чтобы прижать грудь. С бюстгалтерами тут пока имеются определённые трудности, их попросту не существует.

Ученики также были без кафтанов. Несмотря на то, что класс смешанный, никакого смущения нет и в помине. Ну что сказать, особенности этого мира не могли не сказаться и на нормах приличия. Из-за одарённости благородные девушки служили наравне с парнями, а биться в обычном платье не больно-то и удобно.

Простолюдинки одеться подобным образом и выйти на люди позволить себе не могли. Но дворянки стояли в особом ряду, и подобные условности их не касались. И все воспринимали это как само собой разумеющееся. Хотя, конечно, отвести взгляд от их прелестей было достаточно сложно.

Пока не начался урок, ученики выпускного класса разбились на группы по интересам. В самую большую входили дворяне, помещики, посадские и служилые. Две боярышни собрали вокруг себя по три товарки, что-то задорно обсуждая и оглашая фехтовальный зал задорным смехом. Был в их классе ещё один боярич, Тучин, но он сам примкнул к свите княжны, каковая состояла из пяти человек.

Кроме Рябовой, моё появление сразу заметили ещё двое. Лиза, которая, как я с удовлетворением отметил, находилась среди своих товарок, а не в окружении боярышни Ганиной, и княжна Мария. Правда, если на лице первой вместе с удивлением появилась радостная улыбка, то вторая взирала на меня с немым вопросом и откровенным недоумением.

Мы не были знакомы лично, но друг о друге знали. Да оно и понятно, ведь гимназия не так и велика, а она дочь князя Долгорукова, пусть и третий ребёнок. Что же до меня, то я бунтарь, непоседа и завсегдатай карцера. Известная личность как в стенах альма-матер, так и за её пределами. Знали все и моё прозвище, под которым я был известен на неблагополучной Чижовке, в оружейной и ремесленной слободах да на рыночных площадях. Впрочем, мои связи в преступных кругах Воронежа я предпочитал не афишировать.

Мария была ладной девушкой среднего роста, спортивно-го сложения, без выдающихся форм, но оттого не менее привлекательна. Длинные русые волосы заплетены в косу, уложенную венцом. Обычно у неё другая причёска, но для схваток женщины предпочитают именно такую. Можно сказать, что она уставная, хотя ничем и не регламентируется, просто наиболее удобный вариант.

Рябова явственно различила мой оценивающий взгляд, направленный на неё, и всего лишь любопытный, которым я одарил княжну и выпускниц. И будь я проклят, если моя заинтересованность не польстила ей. Ветеран, отдавшая службе как минимум три десятка лет и выслужившая пенсию? Несомненно. Вот только от этого она не перестаёт быть женщиной, которой приятно мужское внимание. И уж тем паче со стороны такого молодняка, как я. Хотя и сомнительно, что она позволит себе нечто большее. Хм. А вот я, пожалуй, и не против.

Наконец с улицы донёлся звон колокольчика, возвестивший о начале урока, и ученики, не дожидаясь команды, начали выстраиваться вдоль стены. Я привалился плечом к стене, наблюдая за выпускным классом.

– Милостивый государь, а вам что же, особое приглашение нужно? – вздёрнув бровь, посмотрела на меня Рябова.

– Эльвира Анатольевна, что-то у меня живот подвело, разрешите...

– В строй, милостивый государь, – с улыбкой произнесла она.

– Но...

– Потерпите.

Вообще задираться с любым из учителей себе дороже станет. Потому как они все, как один, одарённые, и пусть военная только Рябова, остальные также знают, с какого конца держаться за мушкет, пистоль или шпагу. Но главное даже не это. Среди них нет ни одного ниже шестого ранга. Такие могут обнаружиться только в стенах школы. А вот против боевых плетений даже самого слабенького одарённого я попросту бессилен. Если только воспользуюсь хорошей реакцией и увернусь. Правда, поможет это ненадолго.

Амулет? Ну, не будем о грустном. Неоткуда мне взять бриллиант. А других аккумуляторов Силы попросту не существует. Поэтому цена на алмазы до неприличия велика. Коренные месторождения пока ещё не открыты, и есть только два россыпных в Индии и Бразилии, так что спрос суще-

ственно превосходит предложение...

Я наигранно вздохнул и направился в конец строя. Здесь не армия, а общество сословное, поэтому никаких построений по росту. Первой в строю княжна, за ней обе боярышники, которые чуть выше неё, далее боярич, этот и вовсе возвышался над ними на целую голову, и только далее ученики придерживались ранжира.

Но мне, способному поспорить ростом с бояричем, сразу за ним места не было, так как тут вступает в действие ещё одно правило. В учебных заведениях действовала строгая иерархия по возрасту, и младшеклассник не мог встать вровень со старшеклассником, обязанный проявлять ему уважение. Вот и пристроился я эдакой каланчой в конце строя.

После разминки и ряда физических упражнений Рябова наконец приказала всем облачиться в защитные костюмы. Так себе защита, если честно. Клинку нормального веса с достаточно массивным колпачком, исключаяющим проникающие ранения, должен был противостоять тонкий стёганный нагрудник. Лицо прикрывает маска на манер театральной с завязками и прорезями для глаз.

Всё сделано для того, чтобы уберечь обучаемого от увечий, к коим выколотые глаза, похоже, не относились, и в то же время сохранить чувство опасности. Подобный подход должен был избавить учеников от склонности к излишнему риску и самоуверенности. Ну что сказать, вполне резонно, тем паче на фоне весьма болезненных уколов. Ну и такой

момент, что тут это не спорт, а боевое искусство, которое потребуется дворянину скорее рано, чем поздно.

Сказать, что гимназисты удивились решению Рябовой выставить меня против Марии, это не сказать ничего. Они и без того взирали на меня с недоумением, а тут не удержались от замечаний, и едких в том числе. Ну кто не знает о том, что я поскрёбыш и мне никогда не встать вровень ни с одним из них.

Я поспешил встретиться взглядом с Лизой и едва заметно покачал головой, останавливая её от заступничества. А в том, что оно воспоследует, у меня никаких сомнений не было. Насколько я не верил в семейные узы в родном мире, настолько же крепко я уверовал в них здесь. Эта пигалица готова была порвать за меня весь белый свет, и плевать, что мы совсем недавно слегка повздорили. Это другое.

Мы с Марией отсалютовали друг другу клинками и тут же встали в позицию. Я ожидал, что княжна отнесётся ко мне с толикой пренебрежения, и причина вовсе не в социальном статусе или старшинстве. Просто как мои родители уделяли мне время, обучая владеть клинком, точно так же заботились о своих чадах и родовитые дворяне, а у князя всяко-разно есть возможность нанимать лучших мастеров фехтования.

Но девушка меня удивила, начав прошупывать мою оборону по всем правилам, постепенно и методично наращивая натиск. Я мысленно усмехнулся, думая о том, что если бы она бросилась сразу в атаку, то, скорее всего, «нанизала» бы

меня на свою шпагу. Ну, хотя бы потому, что слова Иванова настроили меня на лёгкую победу, и я не ожидал, что Мария подходит к обучению со всей серьёзностью. Однако в ходе обмена короткими атаками мы оба сумели убедиться в том, что легко не будет.

В смысле, это она убедилась в этом, я же осознал, что без режима аватара я у этой девчонки не выиграю. Не то чтобы без вариантов, но уж точно не в мою пользу. А потому без зазрения совести использовал свой козырь.

Впрочем, это не помешало мне проиграть свою первую схватку. Просто упустил тот момент, что передо мной девушка, а грудь у них почти столь же болезненная точка, как и причинное место у мужчин. При всем том дурные последствия в их случае куда вероятней. А я как раз туда и нацелился, сообразил, решил переиграть, замешкался и получил набалдашником прямо в душу. Аж в глазах потемнело.

С болью я управился быстро, уже давно научился притуплять её, сводя до вполне терпимой. Можно и вовсе её заблокировать, но тогда ни о какой подвижности можно и не вспоминать. Ну если только тебе неизвестен стиль пьяного паралитика. Я им не владею, а потому лишь частично купировал болезненные ощущения.

Продышавшись, невольно посмотрел на Рябову, которая развела руками, словно хотела сказать, что она подобного от меня не ожидала и сильно разочарована. Да я сам в шоке! Вот какого начал сомневаться посреди атаки? Тем паче что

при дворе у князя имеется сильный целитель, и уж кому-кому, а Марии Ивановне за своё здоровье переживать не приходится.

Выражение лица Долгоруковой я не видел из-за маски, но, судя по блеску её глаз, она улыбалась. Весело ей, одним словом. О том же свидетельствует её реверанс с выставленной левой ногой и разведёнными руками. Княжна всем своим видом приглашала меня продолжить.

– Достойный контрудар, – обозначив кивком поклон, произнёс я.

– Так себе атака, – легонько пожав плечиками, оценила она.

– Согласен, глупо вышло. Но я исправлюсь.

– Очень на это надеюсь. А то столько слышала о вас, и такое разочарование.

– Просто верьте в меня, – поклонился я и встал в позицию.

Поверила и не стала расслабляться, но ничего не смогла противопоставить моей ловкости и стремительности. Пожалуй, что именно произошло, до конца не поняла не только она, но и её одноклассники. Не успели мы обменяться парой прощупывающих ударов клинками, как я провёл атаку, отбросив её шпагу, как тростинку, и вогнав свою точно ей в живот.

Стоя над скрючившейся Марией, невольно обругал себя за мстительность. Я ведь уже говорил, что защита стёганных нагрудников, мягко говоря, была слабой. Вот же, связался

чёрт с младенцем. Но с другой стороны, в воспитательном плане получалось более чем наглядно.

– А вот это уже было знатно, – отдышавшись, произнесла Мария.

– Согласна, хорошая скорость и великолепное исполнение, Пётр Анисимович, – поддержала Долгорукову Рябова, при этом зыркнув в сторону боярича Тучина, дёрнувшегося было в мою сторону.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что молодой человек имеет виды на княжну. И, между прочим, не такие уж и призрачные. Она третья дочь, сиречь сильной одарённой ей не быть, и при отсутствии подходящей партии среди княжеских родов её вполне могут выдать и за боярина. Тучины старинный, знатный и состоятельный род. Привязать такого вассала ещё крепче семейными узами вполне оправданный шаг.

– Итак, судари и сударыни, поглазели и хватит. Хорошего понемногу. Разбились на пары и отрабатываем третью и пятую связки. Веселее, господа, веселее! – захлопав в ладоши, громко произнесла Рябова.

Сразу видно, что не при штабе ошивалась, а командовала ротой. Сама она бахвалиться своими гвардейскими похождениями не любит, но к гадалке не ходить, ей есть что порассказать.

Мы с Марией обменялись любезными поклонами и вновь встали в позиции. В общей сложности счёт по схваткам

остался за мной, но и она неоднократно «насаживала» меня на клинок. Причём весьма чувствительно. По здравом размышлении я решил дать ей возможность несколько раз выиграть. Но в общем и целом сделал вывод, что девушка хорошо тренирована, а из того, что я видел в схватках её одноклассников, отметил для себя, что соперников у неё среди них нет. Так что зря грешили на неё учителя.

– Удивили вы меня, Пётр Анисимович, – произнесла Рябова.

Мы с княжной потные, усталые и все в ссадинах представили перед ней после очередной схватки, которую я оставил за своей соперницей. Признаться, поддавки тут ни при чём, просто ей реально нужен побудительный мотив для роста, а если я её буду валять по песку как куклу, это ей самооценку не повысит. Классовой ненависти у меня к ней нет, как отсутствует и неприязнь. Так к чему тогда перегибать?

– Сам себе удивляюсь раз в неделю, Эльвира Анатольевна.

– Если бы точно не знала, что вы не из простецов, то решила бы, что вам нанесли узоры. Великолепная скорость и отменная реакция.

– Благодарю, Эльвира Анатольевна.

– Только не зарывайтесь, молодой человек.

– Не буду, – искренне заверил я.

– Мария Ивановна, вынуждена просить у вас прощения.

Я неоднократно замечала, что ваши прежние соперники вам поддавались, поэтому попросила лучшего фехтовальщика

гимназии сойтись с вами в поединке. И была приятно удивлена. Моё мнение было ошибочным, у вас всё просто замечательно даже без скидок на ваш возраст и незначительный практический опыт.

– Благодарю, Эльвира Анатольевна.

После урока Рябова окликнула меня и попросила задержаться. Отчего-то сразу же вспомнилась сцена из сериала «Семнадцать мгновений весны». Ну та, где: «Штирлиц, а вас я попрошу остаться».

– А ведь за исключением первого раза, где вы не вовремя проявили галантность и не стали бить её в грудь, в остальных проигрышах вы поддались. Не так ли, Пётр Анисимович?

– Ну, у вас ведь не было цели извлекать её в песке и пустить юшку. Вы лишь хотели понять, насколько хорошо подготовили её к выпуску из гимназии.

– А вы ещё и галантный кавалер, – одобрительно кивнув и одарив меня тёплой улыбкой, заметила Рябова.

– Ну, вот такой, какой есть, – пожал я плечами.

– Не смею больше вас задерживать, сударь.

– До свидания, Эльвира Анатольевна.

Итак, первые два часа занятий миновали, впереди ещё целых четыре. Вопрос: стоит ли мне отсидеть на всех уроках, а потом ещё и на самоподготовке, или лучше свалить отсюда в город, благо хотел навестить Дудина и обсудить изготовление новых карабинов и пистолетов моей конструкции. Стоп! Я же вроде сам себе пообещал, что сегодняшние уроки от-

буду полностью, даже на завтрак старался успеть. М-да. Ну, тогда на уроки. Что там у нас следующее? Латынь. Только бы сдержаться и не указывать на ошибки учителя. Ну не виноват он в том, что ему со мной не тягаться.

Глава 6

– Ну-ка, ну-ка, Пётр Анисимович, чего ты тут измыслил, – принимая из моих рук чертежи, с интересом произнёс Дудин.

Оружейник был высокого роста, что говорится, косая сажень в плечах и обладал недюжинной силой. В свою бытность подрядился молотобойцем в кузнице. Но тупо махать тяжёлым молотом ему оказалось недостаточно, так что довольно скоро он стал подмастерьем у одного из оружейных дел мастера, а там и сам в умельцы выбился.

Потом обзавёлся своей небольшой мастерской в слободе, начал ладить ружья и пистолеты на заказ да ремонтировать стреляющее железо. Дела у него шли не сказать, что замечательно, но и неплохо. С долгами, что сделал, чтобы подняться, худо-бедно расплатился, не смотри, что ростовщики поблажек не делали.

А когда всё вроде бы устаканилось, на его пути повстречался я, малец, у которого оказались поистине золотые руки, в голове в достатке «масла», и какая-никакая денюга водилась, которую мне не жаль было вложить в инструмент. Именно через меня-то дела оружейника и пошли по-настоящему в гору. Сегодня он уже не успевает выполнять все заказы, не хватает ни рук, ни оборудования, и он начал подумывать об очередном расширении, хотя средств для этого

пока и не хватало.

Однако, несмотря на загруженность, он с готовностью взялся изучить мою задумку. Понимает, что она может сулить серьёзную выгоду, потому как все мои предложения неизменно приносили ему барыши. Большие или малые – не имеет значения, в плюсе он был всегда.

К слову, с чертежами разбираться его научил я. Впрочем, с моими куда проще, чем с местными аналогами, где размеры отсутствовали как класс. Есть общий рисунок, пусть и со всеми частями, да куцее описание механизма, а уж как оно всё там устроено в деталях, мастер пусть додумывает сам. Поэтому и казалось, вроде бы одинаковые механизмы зачастую сильно отличались друг от друга. О взаимозаменяемости деталей я и говорить не буду. Если потерялся какой винт, то просто заменить его не выйдет, придётся вытачивать новый.

– Та-ак. Получается опять колесцовый замок. А ить ушли от них, не хороши они оказались.

– Если прежняя конструкция, то неудобно, конечно. Оно и громоздко, и мешкотно заряжать. Но вот так, когда одним движением рычага и взводишь колесо, и открываешь казённый, и откидываешь крышку пороховой полки, то уже совсем другое дело. И потом, ударный замок после нескольких выстрелов начинает давать осечки из-за загрязнения кресала. Кремний просто скользит по пороховому нагару, не выбивая искры. А колесцовый всё одно будет её высекать.

– Ага. А заряжать чем? Эти твои патроны, поди... – Он загнулся, прочёл пояснительную надпись и скривился. – Латунь. Да ты знаешь, в какую цену выйдет припас к такой фузее.

– Не фузее, а штуцеру. И ладить ты их будешь не для солдата, а для покупателя с достатком. Опять же, сам посуди, калибр малый, зато пуля вдвое длиннее, вес и скорость не теряет, против «Панциря» действие сопоставимо, зато точность боя куда лучше и значительно дальше. А главное, скорострельность выше, чем у фузеи. Я так полагаю, что даже не особо подготовленный стрелок сделает четыре выстрела в минуту, а добрый и все шесть выдаст.

– Ну, не знаю. Пробовать надо.

– Так, а я за что? Сначала смастерим из дерева один к пяти, глянем, как оно станет работать. Если всё ладно, тогда и в железе исполним. И вот ещё.

– А это чего?

– Пистолет. Тоже колесцовый, только перезарядка переломкой ствола. Думаю, хода хватит, чтобы нормально взвести колесо.

– Думает он. Смотреть надо, – вроде как и недовольно, но вместе с тем с любопытством пробурчал Дудин.

За работу я взялся рьяно. Шутка сказать, двое суток провёл в гимназии. Поначалу выполняя обещание, данное самому себе. Потом матушка решила навестить нас с сестрой. Впрочем, волновал её не столько я, сколько Лиза. Так уж вы-

шло, что инициация у неё в мае, а матушке нужно уезжать на заставу, и сие событие пройдёт мимо неё. Увы, но отсрочить отъезд не получится.

Она, разумеется, постаралась сделать всё для того, чтобы присутствовать при этом, но случилось непредвиденное, и теперь ей надлежало спешно выдвигаться на границу. Жаль. Признаться, я всё же рассчитывал успеть изготовить опытные образцы, испытать их в должной мере и подарить матери.

Именно с моей лёгкой руки в оружейной мастерской появилась столярка. С одной стороны, и в хозяйстве пригодится, и дерева в оружии хватает. С другой, опытные образцы новых механизмов можно изготовить из дерева, так оно куда наглядней получается.

Работал допоздна, и вчерне колесцовый замок и механизм его взведения были готовы. Это только кажется, что целая прорва работы, на деле же — глаза боятся, а руки делают. И если меньше думать как да что, а придерживаться чертежей и тупо точить и вырезать детали, да при наличии правильного инструмента с токарными станками, то всё получится. Сосна ведь не сталь, ковать её не нужно.

Закончив на сегодня, я умылся в умывальнике моей же конструкции, попрощался с работниками и вышел во двор. Там один из подмастерьев как раз выпрягал быков из ленточных приводов, от которых работают все механизмы мастерской.

Паровую машину мне не потянуть, речки или ручья поблизости нет, поэтому и водяное колесо отпадает, вот и вспомнил я ролики на ютубе про такие приводы. Конструкция мне, конечно, неизвестна, но главное – знать, что нужно, а домыслить оказалось не так сложно, спасибо моей прошлой специальности, памяти и прочитанной уже здесь литературе по механике.

Что до животных, то благодаря узорам на силу и выносливость, сделанным одарённым седьмого ранга, они могли трудиться весь день. Дорогое удовольствие, не без того, и теперь с быков впору пылинки сдувать, но оно того стоило.

Выйдя со двора, я двинулся к хорошо знакомому мне трактиру. У дядьки Василя не только пили горькую как не в себя, но и поигрывали в картишки. Причём далеко не только гопота и ворьё, но захаживала и благородная публика, и мелкие купцы, и дети купеческие. Кого-то влекло сюда желание пощекотать нервы, других притягивала страсть к игре.

Я довольно регулярно наведывался сюда. Поначалу чтобы поесть нормальной еды, а не казённую кашу. Потом добавилась продажная любовь, а там и играть на мелочь в ножички и пристенок стало неинтересно. С возрастом и окружающие начали воспринимать меня уже иначе, пришла пора подсесть за карточный стол.

Прежде в трактире рубились в «торги», карточная игра, чем-то похожая на «секу» из моей юности, но значительно скучнее её, так как тут блеф не предусматривался

по определению. Игра была рассчитана на чистую удачу. Так как деньги мне были нужны, а возлагать всё на плечи фортуны или милость шулеров нерационально, я решил внести свою лепту в азартные игры этого мира.

«Сека» пришлась аборигенам по нраву. Тут можно было и давить банком, и блефовать на мелкой карте, словом, она оказалась куда азартней и живее. Правда, уже совсем скоро все успели позабыть, кто именно был автором этой игры. Она настолько вписалась в общество, что в неё вскоре играли и в благородных салонах, серьёзно полагая, что она была всегда.

Впрочем, от признания меня автором игры мне ни холодно, ни жарко. А вот сам процесс закрыл все мои денежные потребности с лихвой. Я запоминал по рубашкам всю колоду уже после второй раздачи и, не стесняясь, использовал это преимущество, порой ставя в тупик даже шулеров. Однако при этом старался не нагнать, чередуя выигрыши с проигрышами, и никогда не уносил больше десяти рублей. Попросту незачем.

Именно благодаря карточной игре я смог вложиться в мастерскую Дудина, где станки появились по большей части моими стараниями. Как и узоры на быках. Да заяви я право на долю, и он, скорее всего, не станет возражать. Вот только это не входило в мои планы. Добрые отношения с оружейником — да, а зарабатывать на нём — нет. Во всяком случае, пока.

Я даже хотел было и родным таким образом помогать, всё же имение не приносило столь уж ощутимого дохода. Сотня десятин пахотной земли да полсотни выпаса и сенокоса. Этого вполне хватает на прокорм двадцати восьми душ крепостных и более или менее достойное содержание нашей семьи. Но ни о каком серьёзном достатке не может быть и речи.

Отец у меня земельник, а потому и урожаи получаются хорошие. Он и пашне ума дать может, и семенной фонд подготовить, и селекцию провести в состоянии. Сила ему в этом в помощь, ну и, конечно же, стихия земли, к которой он имеет склонность. Вот только Анисим Ерофеевич не один такой талантливый, а потому продовольствие в этом мире стоит достаточно дёшево. Чтобы заработать с земли, нужны большие угодья, а иначе только и того, что сводить концы с концами.

Так вот когда я хотел отдать отцу двадцать рублей, тот из меня всю душу вытряс, пока я наконец не сдался и не сказал, что выиграл их. Не то чтобы не было мочи терпеть, просто увидел, как он переживает, и стало как-то противно ему врать. Ну а он, не стесняясь, лично отходил меня ремнём. Между прочим, уже во второй раз! Ладно, когда я был мальцом, но мне ведь тогда уже пятнадцать стукнуло!

М-да. Это я что-то отвлёкся. К чему я? Самому мне много не нужно. Владеть какой-либо собственностью, пока не пройду инициацию, мне нельзя, да и после, до совершеннолетия, то есть до двадцати одного года родители имеют

право отобрать у меня всё, что я заработаю. В дом нести выигрыш нельзя. Единственно подкидываю Лизе на карманные расходы, прикрываясь тем, что подрабатываю репетиторством у одного купчины да рисую карандашные портреты за скромное вознаграждение. Сомнительно, чтобы она мне верила, но делает вид, что всё в порядке.

Поэтому тратиться приходится на себя, а мне много и не нужно. Снимаю в доходном доме небольшую квартирку, где проживаю во время своих отлучек из гимназии. Не беспризорную же жизнь вести. По мере надобности вкладываюсь в оружейную мастерскую. Вот по большому счёту и всё.

Не сказать, что у меня сейчас наметился дефицит в средствах, но не помешает восполнить свой бюджет. Всегда плохо себя чувствую с пустой кубышкой. Привычка ещё из родного мира, где я после первого же контракта не испытывал стеснения в деньгах.

– Здравия, дядька Василь, – поздоровался я с трактирщиком.

– И тебе поздорову, Шелест. Поесть или в картишки перекинуться?

– Для начала я поел бы, – прислушавшись к своему желудку, решил я.

– Любаву позвать?

– Это как водится, – улыбнулся я в ответ.

После чего кивнул в сторону трёх отдельных комнат. Хозяин поднял два пальца, указывая на то, что свободна вто-

рая. Обычное дело для трактиров, так как публика бывает разная. Опять же, подавальщицы они ведь не только еду разносят, но и компанию составить могут для приятного времяпрепровождения.

Не успел расположиться за столом, как в дверь вошла Любава, девка за тридцать, вся из себя видная, разбитная и страсть какая охочая до удовольствий. Я, конечно, за день устал, но кто сказал, что для молодого и полного энергии тела это проблема. Вот в моём мире, где я был постарше, такие причины, как жара или усталость, мне вполне казались весомыми в пользу отдыха, а не дополнительных нагрузок. Пусть и приятных.

Так что, отставив еду на потом, я с готовностью ответил на игривое настроение бабёнки и с ходу подступился к ней с непристойностями. Чему она была только рада, ответив мне с пылом и жаром. Продажная любовь? Ну и пёс с ней. Да и не любовь это, а деловые отношения по удовлетворению потребностей. Вот дома совсем другое дело, есть парочка вдовушек-молодух в соседских поместьях, с которыми у меня совсем не деловые отношения...

Пужинав, вышел в зал и сразу направился к дальнему углу, где за большим столом устроился десяток игроков, да столько же стоит за их спинами. У кого-то нет денег, кто-то ожидает, когда место освободится. Но все взирают на игру молча. Одно слово, и можно огрести серьёзный штраф. Шутить тут не любят.

Хозяину с каждого кона перепадает пятак, не так чтобы и мало, но он и не подумает выделять под игру ещё один стол. Потому как основной доход не с игроков, а с торговли вином. Подавляющее большинство посетителей не смогут найти деньги на игру, а вот на выпивку в лепёшку расшибутся, но сыщут непременно.

– Эй, щегол, скажи там, чтобы пива подали, – завидев меня, произнёс один из игроков.

Мужику хорошо за тридцать, крепок, ухоженная окладистая борода, сросшиеся густые брови, волосы стрижены под горшок. Ведёт себя если не по хозяйски, то уж точно самоуверенно как человек знающий, что имеет на это право. Вот только я его не знаю. Да и знал бы, это ничего не изменило бы.

Среди зрителей хватает молодых, но ему приглянулся именно я, хотя выделить меня в среде работяг достаточно трудно. Я ведь не белоручка, и руки в мозолях, и на лице следы от въевшейся в кожу окалины. Возможно, причина в моём независимом виде, так как цену себе я знаю. О том, что у меня нет привычки спускать обиды, ведают и другие, а парочка сомневающихся убедились в этом окончательно.

– Кто таков? – чуть склонившись к уху Бересты, спросил я.

– Эй, сопляк, кому говорю, – вновь подал голос неизвестный.

– Топорок, давнишний друг Архипа. Несколько лет в Воронеже не был, – тихо и ёмко ответил мне вожак ватаги, с ко-

торой я частенько имел дело.

– Я кому сказал, – начал приподниматься Топорок.

– Здравствуй, Архип, – не обращая внимания на гостя, произнёс я.

При этом опёрся на палку, с которой в последние пару лет не расставался. Оно и от собак отбиться проще, и подспорье, если кому нужно вставить на место мозги. А на случай, если проблемы куда серьёзней, внутри прячется клинок из отличной упругой стали. Вот такая трость-шпага, которую на первый и второй взгляд от обычной палки не отличишь. Даже кнопка стопора ножен выполнена в виде сучка. Дорогая вещица, между прочим. Но крайне необходимая для прогулок по окраинам Воронежа.

Помимо этого в рукавах моего кафтана ещё и по паре метательных ножей в петлях. А мечу я их на загляденье. Раньше в подобном оружии смысла не было, потому как сил для нормального броска не доставало. Поэтому я носил пращу, которая места занимает немного, а польза от неё огромная. К слову, я от неё не избавился даже после того, как год назад усилил свой арсенал клинками.

– И тебе поздорову, Шелест. Уймись, Топорок, – взяв товарища за плечо, усадил его Архип. – Береста, сделай.

– Ага, дядька Архип, – с готовностью кивнул тот.

Береста по-прежнему водит ватагу, которая уже имеет определённый авторитет. Стороной их обходит не только молодняк, но и кто постарше. Однако он всё ещё вынужден по-

рой ломать шапку. Перед такими авторитетами, как Архип, это не зазорно. Всему есть своё время, и его срок пока ещё не пришёл.

– Что, Шелест, решил в картишки переброситься? – спросил Архип, вожак одной из известных в Воронеже ватаг.

– Если место найдётся, так отчего бы и не сыграть. А пока постою погляжу.

– Ну, стой, дело, поди, молодое, ноги не отсохнут, – улыбнулся Архип.

– Это уж как водится, – кивнул я.

Топорок смотрел на меня без вражды, не ему вязаться с соплём, но с интересом. Коль скоро его старинный дружок общается со мной на равных, знать, я собой что-то представляю, и ему хотелось понять, что именно.

Прошло ещё пять раздач, прежде чем один из игроков решил полезть в кредит, чтобы продолжить игру. Но желающих одолжить не нашлось, а в долг ему не позволили. Я не стал выпячиваться и лезть поперёд тех, кто стоял тут раньше. Поэтому это место прошло мимо меня. Потом ещё одно, и только после того, как обчистили третьего игрока, я наконец оказался за столом.

– Деньга-то есть? – хмыкнул оказавшийся напротив меня Топорок.

– Правила без особенностей? – уточнил я, поведя взглядом по игрокам.

– Банком не давим, выше полтины не поднимаем, – отве-

тил за всех Архип.

– Ясно. Дядька Василь, подай новую колоду, – подняв руку с зажатым между указательным и средним пальцем полтинником, попросил я.

У меня с головой пока ещё всё в порядке, чтобы играть с краплёными картами. Сколько они уже мусолят эту колоду, там уже живого места не осталось.

Реакция на это оказалась неоднозначной. Одни обрадовались, потому как играть новыми картинками куда приятнее, чем старыми и замусоленными. Другие начали недовольно бурчать на столь явное сомнение в их честности.

– Не доверяешь, стало быть, – хмыкнул Топорок.

– Я всегда играю новой колодой. Это проблема?

– Остынь, Топорок. Спасибо Шелесту, хоть сколько-то нормальными листами отыграем, пока не замусолим. Только он и покупает каждый раз новую колоду, других жаба душит.

– И тебя? – хмыкнув, спросил его дружок.

– И меня, – подтвердил Архип. – Я ить не из благородных, мне и так нормально.

– От-тано как. Дворянчик, стало быть, – глянул на меня гость.

Я в ответ только пожал плечами, отдал пятьдесят копеек подошедшему Василию, принял у него запечатанную колоду и, вскрыв упаковку, передал было сдающему. Тот сделал мне знак, мол, сам смешай, у тебя это лучше получается. Ну что тут сказать, его правда, я такие кренделя с картами выделываю.

ваю, что любо-дорого. В особенности если это новые листы.

Уже после второй раздачи я знал всю колоду по рубашкам. С абсолютной памятью это несложно. Разумеется, если уметь ею правильно пользоваться. У меня было более чем достаточно времени, чтобы освоиться с этим. Так что я видел весь расклад и точно знал, когда у меня на руках выигрышная карта.

Впрочем, это не означало, что с плохой картой я всё время падал. Всякий раз, когда мне выпадала возможность, я темнил, вынуждая повышать ставку вдвое. Несколько раз поднимал её на заявленный максимум. Выигрывал далеко не всегда, ведя себя как обычно и не забывая временами проигрывать.

– Свара, – когда мы с Топорком наконец вскрылись, отметил Архип.

– Хочешь поделить банк? – предложил я для порядка.

Вообще-то, я был уверен, что он не станет этого делать. И дело даже не в том, что в банк набежало больше пятидесяти рублей, и медь с серебром сейчас лежали посреди стола манящей кучкой. Вовсе нет. Ему хотелось непременно приземлить меня, но сделать это так, чтобы никто не подумал, что старый чёрт решил связаться с младенцем. И сделать это в игре хороший вариант.

– Не хочу. Либо всё, либо ничего, – пожал плечами напарник по игре.

– Согласен. Кто входит? – тасуя карты, спросил я.

– Не, ребятки, двадцать пять рублей это для меня слишком, – изображая скромность, замахал руками Архип.

– Какой банк? – решил уточнить купеческий сынок.

Я видел, что подгорает ещё у одного, на этот раз из благородных. Раньше я его тут не видел, похоже, появился максимум неделю назад.

– Играем без потолка, – предложил Топорок, отсекая желающих присоединиться к сваре.

На подобное согласится не каждый. Мало того что нужно будет положить на кон половину банка, так ещё и ставку сразу могут загнуть неподъёмную, а тогда только падать.

– Как скажешь, – улыбнулся я, продолжая тасовать карты.

Как и ожидалось, при подобных раскладах желающих влиться в игру не нашлось. Да и правильно сделали.

– Даю десять вперёд, – после раздачи карт с ходу повысил ставку Топорок.

Золотой империал прокатился по деревянной столешнице и с лёгким звоном упал на край кучки монет.

– Поддерживаю, – достав из кармана кафтана такую же монету, ответил я.

Не сказать, что я постоянно носил с собой крупные суммы. Но так уж вышло, что к этому моменту я уже выиграл двадцать рублей и собирался проиграть десять. Ну и такой момент, что в потайном кармане у меня всегда имелось три империала. На всякий пожарный и непредвиденный.

– Двадцать, – бросил на кучку два золотых кругляша То-

порок.

— Ого. Архип, а дружок твой из богатеев будет, — покачал я головой. — Вскрываюсь за двадцать, — подкинув на кон два империала, ответил я.

Мне известно, что у него хорошая карта, как и то, что я её с лёгкостью перебиваю. Но ну его к ляду, эту тёмную лошадку. Я, конечно, порой и в минус уходил, чтобы не вызывать подозрений, но никакого желания терять столь крупную сумму, которую потом придётся отыгрывать тихой сапой не один день. Поэтому решил закруглиться.

— Два короля и шаха, — вскрыл я свои карты.

Шесть пики, она же шаха, идёт за джокера, так что его три дамы не катят. Вскрываться Топорок не стал, с досадой сбросив карты рубашкой вверх. Но мне-то этого и не нужно, я и так знал.

После этой раздачи я поиграл ещё с пару часов, спустив полуимпериал. Проигрывать больше не подписала жабба. Ну не виноват же я в самом-то деле, что мне сегодня обломился такой куш. В своей обычной манере мне его до утра проигрывать, а иначе все решат, что я вдруг в одночасье поглупел. Вот уж чего я не собирался делать, так это торчать всю ночь в трактире.

Глава 7

Я открыл глаза и сладко потянулся. Вроде и трудился вчера допоздна, но вот едва пробило семь, и сна как небывало. К слову, это не так чтобы и рано. Обычно тут подъём в шесть утра, но я привык вот так, не слишком рано и совсем ещё не поздно.

Сунул ноги в тапочки и прошлёпал к умывальнику. Мыльня и уж тем паче туалет тут не предусмотрены, если умыться, то таз и кувшин тебе в помощь, помыться, прямая дорога в общественную мыльню или баню. Не в смысле, что они городские, вовсе нет, содержат их частники, просто помыться может всяк желающий за плату малую.

Была у меня мысль переделать квартиру под свои нужды, но я от этого отказался, посчитав, что деньгам могу найти и более полезное применение. Заморачиваться этим дома смысл имелся, а на съёмной квартире я его не наблюдал. В конце концов в мыльне тоже можно получить в своё распоряжение отдельный кабинет, и стоит это не так дорого. Во всяком случае, по моим меркам.

И в отсутствии туалета в квартире также ничего страшного, хотя, конечно, дворовый толчок внушал отвращение, но справить по-быстрому нужду вполне возможно. Пользоваться же ночной вазой или ведром откровенно не хотелось. Ну его в пень. Уж лучше перетерплю. Тем паче, что я тут по-

являлся сугубо переночевать. А вот умывальник штука полезная, и я не поленился затратить усилия на его изготовление, как и потратиться на латунь. Зато его всегда можно унести с собой при смене квартиры.

Умывшись, оделся и вышел на улицу, направившись напрямиком на рынок. А где мне горемычному ещё позавтракать-то? Трактир почти до полудня не откроется, дома я продукты не держу, а то ещё испортятся. Разве только сухари и кусок солонины в керамических чашках с крышками, чтобы мышата не добрались. А ну как в ночь жор нападёт. Молодой же. Но это на экстренный случай, питаться же таким образом желания никакого. Да и незачем.

– Здравия, Авдотья Михайловна, – поприветствовал я торговку пирогами.

– И тебе здорову, Петя. С мясом? – поздоровавшись, тут же поинтересовалась баба.

– С мясом, – подтвердил я.

Она каждый день на рынке спозаранку, и я у неё постоянный клиент. Как ночую вне гимназии, так поутру обязательно к ней. А вот и Ермолаич приметил покупателя и направился в мою сторону. Этот торгует сбитнем, всё время с огромным чайником расхаживает. И получается он у него просто превкусный, ни у кого такого больше не пил. Просил поделиться секретом, так он только отшутился. Коммерческая тайна, понимать надо.

Пристроившись в уголке, я приступил к поеданию куска

пирога, заливая его горячим сбитнем. Такой завтрак куда приятней гимназистской каши с салом, и не менее сытный. Впрочем, мне этого до местного обеда, который только в четыре, маловато будет. Поэтому, как закончу, прикуплю ещё кусок.

С одной стороны, сегодня воскресенье и в мастерской Сергея Андреевича выходной. Он сам с семейством, как и его работники, сейчас в церкви на службе. Но с другой, меня настолько захлестнула идея создания казнозарядного штуцера, что я готов трудиться с раннего утра до позднего вечера, пока не получу готовые образцы. Впрочем, после полудня ко мне непременно присоединится и сам Дудин. У него свербит не меньше моего.

Изготовление макета из дерева принесло свои плоды. Всё же я не настолько хорош в механике, чтобы представить себе рабочую конструкцию механизма, и чертежи в этом слабые помощники. А вот когда оно наглядно, то получается разобраться в мельчайших деталях.

Словом, мне не удалось избежать огрехов и нестыковок, но благодаря модели с этой проблемой получилось справиться достаточно просто, и теперь мы начали делать колесцовый замок и механизм его взведения из металла. Стоит ли говорить, что руки у нас зудели от желания закончить начатое.

Завтракая в сторонке, я посматривал на людей, снующих по рыночной площади. Приметил парочку школьников, а вот и гимназисты. Кто из них в самоволке, а кого отпустили

на выходные, поди разбери, но в обычные дни их тут встретить достаточно сложно.

Ого! Смирнов тихоня! Это когда он успел закадрить Остроухову? Девушка тоже из скромных, если не сказать застенчивых. Но вот нашли друг друга, да ещё и скрывают от всех свои отношения. Это я сейчас вижу, как горят их глазки и светятся лица, а вот в стенах гимназии они ведут себя ровно, как обычные одноклассники.

Вообще-то, шуры-муры до университета не приветствуются. Интерес к противоположному полу, естественно, присутствует, но не более того. Строить какие-либо планы до инициации не имеет смысла. Это у простецов всё ясно настолько, что помолвить их могут с младенчества. У одарённых всё неоднозначно. Родители никогда не одобряют брак с бесталанным, если только парочка не стоит друг друга.

К слову, это случай моих родителей, не достигших особых высот. Матушка уже четыре года как нанесла себе узоры, а батюшка ждёт, когда наконец достигнет пятого ранга, чтобы поступить так же. Коль скоро серьёзно дар не развить, то к чему тогда попусту пыжиться. Лучше уж прекратить рост и одновременно усилиться по нескольким позициям.

Но отношения между молодыми всё же случаются. К примеру, эта парочка из семей среднестатистических одарённых, а потому на что-то особое не рассчитывают и наверняка пребывают в уверенности, что уж у них-то всё получится. Надеюсь, что это и впрямь так, уж больно счастливыми они

выглядят.

Желая сократить дорогу до оружейной слободы, я направился через пустырь. Несколько лет назад тут выгорел целый квартал, земля в пределах городской черты достаточно дорога, и сразу несколько желающих начали борьбу за этот лакомый кусок. Пока же новый хозяин не нашёлся, тут царит бурьян высотой в человеческий рост.

В сплошных зарослях набили тропы бродячие псы и вагаги малолеток, играющих тут то в войну, то в разбойников или хотя бы в те же ножики. Порой сюда затаскивают жертву разбоя, раздевая донага и бросая тело на поживу собакам и воронью. Несчастных обнаруживают, проводят дознание, но их убийц находят всё же редко.

По бывшей улице проходит слабо наезженная дорога, которой пользуются не так чтобы и часто. Дурная слава у места, что тут ещё сказать, но с другой стороны, по ней можно изрядно сократить путь, вот и не зарастает окончательно.

А я что говорил? Вон стоит лёгкая карета со скучающим кучером на облучке. Не похоже, чтобы случилась какая-то поломка, скорее всего, пассажир решил справить нужду, ну или пассажирка. С общественными отхожими местами в городах ситуация хуже некуда. Мужчинам попроще, завернул за угол и ладно, если, конечно, не видеть в этом для себя большого урона, а тогда только терпеть. А вот женщинам уже куда сложнее, им этот вариант вообще ни при каких раскладах не подходит. Срамота же.

Я улыбнулся своим мыслям, без опаски направляясь в сторону кареты, до которой было не больше сотни шагов. Разве только по привычке ожидая любой пакости, пристроил свою палку-трость на плечах на манер коромысла да нащупал большим пальцем кнопку стопора.

Не успел сделать и пяти шагов, как из кустов выскочил Топорок, неся на плече какую-то бесчувственную девицу в форменном гимназистском платье. Эт-то ещё что за хрень?! Я остановился, в удивлении наблюдая за тем, как дверь кареты распахнулась, и бандит сбросил туда свою ношу, а сам резво так на облучок к кучеру.

– И-ийах-х-ха!!! – словно только этого и ждал, выкрикнул возница.

Хлёсткий удар плети и пара лошадей сорвалась с места, набирая ход. Наверняка несут узоры «Скороход» и «Выносливость», уж больно быстро разгоняются. С одной стороны, оно вроде как не моё дело. Но с другой, девицу я не рассмотрел, и это с таким же успехом может быть Лиза. Воскресенье, у гимназистов свободный выход в город, если нет провинностей. А она собиралась в гости к Ганиной. Может быть, это она? Да легко! На что я готов ради сестры? На всё!

Я взмахнул палкой-тростью и, нажав на кнопку стопора, отстрелил ножны. Приём, отработывавшийся многократно. Наконечник ножен высверлен и утяжелён залитым свинцом. Так что когда прилетело в лоб лошадке справа, мало ей не показалось. Болезненное ржание, она вздыбилась, оста-

навливаясь и сбивая с шага вторую лошадь, у которой передние ноги подломились, и она с возмущённым ржанием полетела мордой в пыль, увлекая за собой и первую.

Треск ломаемого дерева, скрежет, мат, и карета завалилась набок. Топорка и кучера выбросило на обочину. Мгновение, и мой соперник по игре вскочил на ноги, уже сжимая в руке небольшой топор на короткой ручке. Потому и прозвище такое, что он мастерски обращался с этим инструментом. Мог выйти с ним и против длинного клинка и точно метнуть в противника.

Вот только и меня не в дровах нашли, и коль скоро сказал «а», то говори и «б». А иначе и начинать не стоило. Поэтому никаких сомнений я не испытывал и ограничиваться полумерами не собирался. Пальцы левой руки уже сжимали метательный нож. Я, конечно, правша, но владею обеими руками в равной мере, а потому сверкнувшая на солнце полоска отточенной стали попала в Топорка. Разве только не в грудь, а в правое плечо, успел сука отшатнуться.

Мгновение, и я выхватил второй нож. Кучер уже поднялся на колени и взводит курок оказавшегося в его руке пистолета. Бросок и, описав пологую дугу, клинок впился в его грудь. Выгнувшись и выпучив глаза, неизвестный завалился на бок.

И тут дверь перевернувшейся кареты откинулась в сторону, как крышка люка, и из неё появился ещё один неизвестный. Если прежде у меня ещё были какие-то сомнения отно-

сительно правильности своего поступка, то теперь они испарились без следа. Незачем законопослушному человеку прятать своё лицо, прикрыв его шейным платком.

Едва показавшись, неизвестный взмахнул рукой, и в мою сторону устремился веер «Огненных стрел». Я мгновенно вогнал себя в режим аватара и, пригнувшись, волчком ушёл за кучу строительного мусора. «Стрелы» с лёгким гудением прошли мимо, пара с громким и тупым стуком ударила в моё укрытие. В носу сразу появился запах кузни от оплавившихся камней и вонь сгоревшего тряпья. Ещё и треск разгорающегося пламени слышался.

Матушка, ясное дело, учила меня премудростям противостояния одарённым, но все действия предусматривали наличие хоть какой-то защиты. Если таковой нет, и отсутствует сколь-нибудь серьёзное оружие, то нужно непременно сваливать в туман с максимально возможной скоростью.

И тут лёгкое гудение прошедших поблизости от меня «Огненных стрел». Я удивился было скорости перезарядки плетений у неизвестного и только после сообразил, что летели они с противоположной стороны. Следом слышались тупые удары и треск дерева от попаданий в карету. Мне стало настолько любопытно, что я выглянул из своего укрытия.

Рискованно, конечно, ведь всё за то, что схлестнулись два одарённых, но любопытство всё же победило. И должен сказать, что оно того стоило. Я успел рассмотреть опадающие по «Панцирю» неизвестного всполохи магического ог-

ня, не причинившего ему никакого вреда. На карете появилась парочка опалённых дыр, но пламя всё же не занялось. Одна из «Стрел» угодила в лошадь, которая затихла, и лишь копыта мелко дёргались в судорожной тряске.

Практически без паузы мой неожиданный союзник запустил «Огненный шар», пролетевший мимо меня со скоростью камня из рогатки, не так быстро, и если не ловить мух, то можно увернуться без особого труда.

Вот только мой союзник это прекрасно сознавал, а потому бил не в самого неизвестного, а в землю рядом с ним. Рвануло так, словно прилетел семидесятишестимиллиметровый снаряд. Эффект от плетения матушки был поскромнее. В стороны брызнули раскалённые камни и комья земли, я ощутил под собой лёгкую дрожь, а злоумышленник опрокинулся на спину, но похоже, что больше никак не пострадал.

И тут же последовала третья атака, только на этот раз мимо меня с басовитым гулом пронеслось «Огненное копье». Дезориентированный злоумышленник не сумел увернуться, и бросок вышел точным. Но и в этот раз плетение осыпалось бессильными огненными всполохами, по счастью, ничего не подпалив.

Наконец завершился откат, и неизвестный задействовал своё «Огненное копье», выпустив его в... Рябову?! Оно так же бессильно осыпалось по её «Панцирю», не причинив вреда. Разве только под её ногами загорелась прошло-

годняя трава, впрочем, практически сразу она погасла, испустив облачко дыма.

К слову, склон моего укрытия, куда прилетела «Стрела», всё сильнее охватывало пламя. Эдак можно наворотить таких дел, что мама не горюй. Пожар в нынешних городах всё ещё чреват серьёзными проблемами, даже дворянские дома в подавляющем большинстве деревянные.

Следом за «Копьём» Рябова атаковала уже начавшего подниматься неизвестного «Огненной плетью». Плетение обвило его правую ногу, вновь сбив на землю. Казалось, моя учительница фехтования наконец пригвоздила противника и бросилась к нему, быстро сокращая дистанцию. Но тот каким-то образом сумел сбить «Плеть» и выбросил руку в сторону.

Громкий хлопок, вспышка, и рядом с ним появилось свистящее и завывающее объёмное кольцо из завихрений молний. Злоумышленник, не поднимаясь с четверенек, прыгнул в него, словно лягушка. Сильный хлопок, ударивший по ушам, и кольцо исчезло.

Охренеть! Хочу так же! Понимаю, что это невозможно, не тот расклад. Но хочу!

– Потрудитесь объяснить, что тут происходит, милостивый государь, – произнесла подошедшая Рябова.

Признаться, я слегка завис при виде её. Женщина в мундирном платье буквально преобразилась, разом сбросив лет пятнадцать. Кожа на лице разгладилась и посвежела,

на щеках румянец, грудь вздымается спокойно и величаво, вот как хотите, так и понимайте. Да она вся светится изнутри! Вот что делает адреналин животворящий! Ну или возвращение в привычную для неё стихию, ведь большую часть жизни она вела солдатский образ жизни. А императорская гвардия по казармам не отсиживается.

– Здравствуйте, Эльвира Анатольевна.

– Здравствуйте, здравствуйте, Пётр Анисимович. Итак? – поинтересовалась она.

Одновременно с этим Рябова вытянула руку в сторону кучи мусора, охваченной гудящим пламенем, и то начало быстро опадать. Несколько секунд и о возгорании напоминало только чёрное пятно, не осталось ни одной искорки. Матушка тоже так может, но разве только погасить небольшой костёр. Есть плетение, которое выжигает воздух и душит пламя. Огневики пожароопасные, а потому обязаны думать и о том, как предотвратить проблемы. Хотя, конечно, с пожаром справиться им не под силу. Ну если только ранга эдак с одиннадцатого.

– Я шёл в оружейную мастерскую, когда увидел на дороге карету, – начал пояснять я, наблюдая за тем, как она укрощает огонь. – Потом из бурьяна появился один гопник с гимназисткой на плече, забросил её внутрь, а сам на облучок к кучеру. Когда лошади помчались, я метнул в лоб одной из них ножи своей трости и взялся за ножи. Кучера наповал, гопник сбежал.

– Остальное я видела. Ладно, пойдёмте, посмотрим, кто там, в карете, – нервно дёрнув щекой, с явно недовольным видом произнесла учительница.

Не иначе как переживает, не задела ли несчастную. Что ни говори, а парочка её «Стрел» прошла карету и могла попасть в пленницу. Это должна быть пленница, а иначе к чему этому одарённому прятать своё лицо.

Едва заглянув в перевёрнутую карету, я тут же облегчённо выдохнул. Во-первых, находившаяся там была без сознания, но ничуть не пострадала, и Рябова быстро привела её в чувство, используя плетение лечения. Во-вторых, это была княжна Мария, а значит, тут точно имело место похищение.

– Сударыня, как вы себя чувствуете? – поинтересовалась Рябова у княжны Долгоруковой.

– Благодарю, со мной всё хорошо. А что случилось?

– Кажется, вас пытались похитить. Что вы помните из последнего?

– Ганина пригласила меня на инициацию, и я решила для начала завернуть рынок, чтобы купить подарок. Помню, как дошла до рынка, а после... Я открыла глаза здесь.

– Ясно. Думаю, лекарь сумеет лучше объяснить, что именно с вами произошло. Моих плетений достаточно только для первой помощи и какого-никакого лечения огнестрельных, колотых и резаных ран, переломов да ушибов.

Ого! А госпожа капитан неплохо подкована в полевой хирургии, ну или в бранном лечении, как это называется здесь.

Убедившись, что с похищенной всё в порядке, я решил уделить внимание убитому мною кучеру. А заодно облегчить его карманы. Если они с Топорком работали на одного и того же господина, то монета у него водиться должна.

Быстрый обыск выявил, что при убитом имелось пять рублей серебром и медью, вот и всё невеликое богатство. Понятно, что всё относительно, и в этих реалиях сумма немалая, но как по мне, то не очень. Пара дуствольных пистолетов вертикалок отличной выделки голландских мастеров. Они находятся в петлях сразу над тесаком не более локтя в длину с незначительным обратным изгибом клинка, расширяющегося к острию.

Пистолеты не новые, но рублей сорок, а то и побольше за них выручить можно. Возможность второго выстрела увеличивала их стоимость, и новая такая пара обойдётся примерно в шестьдесят целковых, притом что одноствольные стоят вдвое дешевле.

Себе оставлять это оружие точно не стану. Владеть огнестрельным оружием мне никто не запретит. Мало того, дома имеется комплект из пары пистолетов и карабина, с которыми я регулярно упражняюсь в стрельбе и хожу на охоту. Но я ведь собираюсь обзавестись чем-то более технологичным и удобным.

Прибрал и свои ножички. Топорок ушёл, но клинок из себя выдернул и бросил. Хорошо хоть, не в заросли бурьяна, пусть сталь в них не очень, так как изначально расчёт был

на возможность утраты, но баланс выдержан и руки к нему уже привыкли. Не придётся по новой нарабатывать навык метания.

Пока возился с трофеями да собирал своё имущество, набежали стражники. Патруль из четверых рядовых под командованием молодого одарённого, судя по перстню четвёртого ранга. Украшение вовсе не обязательное, а больше для выпендрёжа, поэтому увидеть его можно только вот у такого молодняка. Большинство же предпочитает не выпячивать свои возможности. Неизвестность защищает куда лучше демонстрации своей силы.

Рябова представилась, обрисовала картину в общих чертах, указала на взятые мною трофеи, чтобы вопросов потом не возникло. Карету и оставшуюся в живых лошадь собиралась прибрать к рукам госпожа капитан. Что вполне оправдано, потому как если бы не её вмешательство, то мне либо погибать, либо убегать. Второе более вероятно и ничуть не зазорно. Уж больно силы неравные. Этот гад и против десятка солдат драться сумел бы, а то, гляди, как бы и не взвода.

Скорым опросом на месте происшествия дело не ограничилось, и нас всех скопом препроводили в Разбойный приказ для проведения тщательного дознания. Против чего не стали возражать ни я, ни Рябова. Порядок есть порядок, что тут ещё сказать.

Глава 8

Разбойный приказ располагался в центре города поблизости от других присутственных мест в неприметном здании с плацем перед ним. Самая обычная постройка с каменным подвалом, где устроены казематы для содержания арестантов. Первый этаж кирпичный, там находится кордегардия³. Второй деревянный, предназначен под рабочие места окольничего, командовавшего стражей, его помощника дьяка да двух подьячих, ведавших дознанием по всем преступлениям в Воронеже.

Вот один из них и допрашивал меня по факту нападения на княжну Долгорукову. Надо сказать, шум вышел изрядный. Приказ стоял на ушах, на плацу перед зданием карета в окружении двух десятков княжеских боевых холопов. Сам князь Иван Митрофанович собственной персоной в сопровождении супруги Анастасии Ивановны пожаловать изволили.

На допросе я рассказал всё, как было, за одним маленьким исключением – не стал указывать на то, что узнал Топорка, который ранен и сейчас скрывается где-то в городе. Вот как-то сомнительно, что у него получится отсюда выбраться, потому как на ушах стоит не только стража, но и го-

³ **Кордегардия** – помещение для караула или стражи.

родской гарнизон, и княжеские да боярские боевые холопы, ещё и по всем дорогам и тропам пустили патрули. Завертелось всё так, что мама не горюй.

Указывать конкретно на Топорка я не стал, так как в этом случае сам вполне мог превратиться в объект охоты авторитетов Воронежа. М-да, признаться, я и не подозревал, что в восемнадцатом веке могла быть организованная преступность. Хотя, возможно, это и особенность этого мира.

Не суть важно. Вот если бы я не имел касательства к этому самому преступному сообществу, то за опознание Топорка мне если кто и мстил бы, то только его дружки и подельники. Однако я был вхож в эту среду, а тут уж спрос отдельный.

С тем, кто варится в котле, свои тёрки, там совсем не обязательно прирежут, но я-то с боку припёку, а потому то, что позволено другим, мне недозволительно. Разборки с Топорком или Архипом не вопрос, даже найдутся союзники, внутреннее дело, и весь сказ. А вот если пошёл к стражникам, то будь готов к тому, что всяк встречный-поперечный сунет тебе в бочину нож. Чтобы другим неповадно было липнуть к ватагам, а после их же и сдавать.

Едва вышел из кабинета подьячего, как дежуривший на этаже старый стражник велел зайти к окольниковому. Что я и сделал без лишних разговоров. Попал в колесо – пищи, но беги.

– Разрешите? – постучавшись, заглянул я в кабинет.

– Проходи, Ярцев, – велел сидевший за столом мужчина

средних лет в мундире стражника с горжетом⁴ окольникового. – Вот, ваша светлость, это и есть тот самый гимназист.

– Здравствуйте, сударь.

Не чинясь, князь поднялся со стула и, сделав пару шагов ко мне, протянул руку. Ну что сказать, неслыханное дело для такой шишки. Я ответил ему крепким рукопожатием без тени смущения, даже не думая перед ним тушеваться, что он сразу отметил, и, похоже, ему это понравилось.

– Ярцев. Это не Галины ли Петровны, капитана Воронежского посадского полка сын? – поинтересовался он.

А я что говорил? Матушка, может, и бесталанная, но знают и уважают её многие, потому как к дару не мешало бы иметь ещё и мозги, характер да умение командовать. Ну и такой момент, что он назвал меня её сыном, не поминая отца. Как я уже говорил, главой нашей семьи считалась именно она. Вот сравняется батюшка с нею по дару, тогда и займёт это место по закону.

– Так и есть, ваша светлость.

– Спасибо вам за спасение дочери, сударь.

– Примите и мою искреннюю благодарность, – поднялась со стула княгиня.

Оба примерно ровесники матушки и Рябовой, но выглядят при этом лет на тридцать пять, не более. Что значит более сильный дар, который способствует не только сохранению здоровья, но и продлению молодости.

⁴ **Горжет** – нагрудный знак отличия офицеров.

– Меня не за что благодарить, ваша светлость, – вновь отвесил я поклон. – Мне только и оставалось, что погибнуть или сбежать. И именно второе-то я и собирался сделать. Всё остальное заслуга Эльвиры Анатольевны, – приложившись к ручке княгини, откровенно ответил я, сделав реверанс в сторону учителя фехтования.

– Но именно вы увидели преступление и, не побоявшись, не просто подняли тревогу, а попытались воспрепятствовать злодейству, – хлопнул меня по плечу князь. – Я ещё встречу с вашей матушкой и позабочусь о заслуженной награде за достойное воспитание сына. Что же до вас лично, сударь, то вот вам сто рублей на карманные расходы и мои искренние заверения в том, что вам всегда рады в моём доме.

Бог весть как это у него получилось, но по каким-то полутонам, полуинтонациям и ещё несколькими «полу» князь сумел передать то, что лучше бы мне не принимать это за чистую монету и не совать нос в княжескую усадьбу. А я и не дурак, оно мне и даром не нужно. Потому как ничего, кроме проблем, меня там не ожидает.

– Благодарю, ваша светлость, – принимая кожаный кошель, ответил я.

На выходе из Разбойного приказа мне отдали всё моё оружие, изъятое при входе. Как, впрочем, и трофейное, которое я просто повесил через плечо, намереваясь сразу направиться в оружейную лавку, где и пристроить его к своей вящей выгоде. Хотя причин для поспешности я и не вижу. Благо-

даря недавнему выигрышу и премиальным от князя мои финансовые потребности закрыты на несколько месяцев вперёд.

– Пётр Анисимович, – окликнул меня девичий голосок, когда я вышел на широкое крыльцо.

Гадать, кто бы это мог быть, мне нет никакой надобности, потому что я в принципе не могу ничего забыть. Поэтому просто обернулся к княжне и изобразил поклон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.